

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

6/1972

СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРА

Вл. Борщук
ПРАВДА И ЛОЖЬ
О СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Вл. Борщукoв

ПРАВДА И ЛОЖЬ
О СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

(По страницам работ
зарубежных литературоведов)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1972

- Борщук Владимир Иосифович**
Б83 Правда и ложь о советской литературе (По страницам работ зарубежных литературоведов). М., «Знание», 1972.
48 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература». 6).

В настоящей брошюре раскрывается процесс изучения советской литературы нашими зарубежными друзьями и подвергаются критике «теории» и «концепции» буржуазных советологов, искажающих и фальсифицирующих историю советской литературы.

7-2-3

8РС

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛИЯТЕЛЬНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА МИРА	3
ОБЩИЕ ЦЕЛИ И ИНТЕРЕСЫ	13
В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ «СОВЕТОЛОГИИ»	32

Владимир Иосифович Борщук

ПРАВДА И ЛОЖЬ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(По страницам работ зарубежных литературоведов)

Редактор *Н. М. Краснопольская*
Художник обложки *М. Дорочов*
Худож. редактор *Л. С. Морозова*
Техн. редактор *Т. В. Самсонова*
Корректор *Г. К. Храпова*

А 02361. Сдано в набор 7/IV 1972 г. Подписано к печати 15/V 1972 г.
Формат бумаги 60×90/16. Бумага типографская № 3. Бум. л 1,5. Печ.
л. 3,0. Уч.-пзд. л. 3,15. Тираж 134 960 экз. Издательство «Знание», Мос-
сква, Центр. Новая пл., д. 3/4. Заказ 813. Типография Всесоюзного об-
щества «Знание», Москва, Центр. Новая пл., д. 3/4.
Цена 9 коп.

ВЛИЯТЕЛЬНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА МИРА

С первых же шагов Великой Октябрьской социалистической революции Ленин и его ближайшие соратники, выдающиеся деятели культуры, Луначарский, Горький были озабочены тем, чтобы сплотить прогрессивные силы в мировой культуре, привлечь их к активному участию в созидании нового социалистического искусства.

Исторические преобразования в революционной России породили сочувственное отношение к нашей революции, к молодой советской литературе многих крупных писателей, которые в социалистической России видели осуществление идеалов нового мира, основанного на принципах социальной справедливости. Этому способствовала также поддержка В. И. Лениным группы прогрессивных французских писателей «Кларте», обращения к деятелям мировой культуры Горького и Луначарского.

Литература, рожденная Октябрем и поведавшая миру о событиях и людях новой революционной России, с самого начала привлекла внимание и симпатии многих зарубежных читателей.

Уже в 20-х годах первые успехи нашей литературы вызывают положительные отклики Романа Роллана, Бернарда Шоу, Теодора Драйзера, Анри Барбюса, Мартина Андерсена Нексе, Стефана Цвейга, Генриха Манна и Томаса Манна и других писателей. Высоко ценя творчество Горького и Маяковского, прокладывавших новые пути в искусстве, они заме-

чали любое проявление новаторства и таланта в произведениях многих советских писателей. О новаторстве повести Ю. Либединского «Неделя» пишет А. Барбюс в «Юманите»¹, суровая правдивость и героический пафос романа Ф. Гладкова «Цемент» отмечается немецким писателем Э. Толлером²; в бельгийском журнале «Варьете» подчеркивается жизнеутверждающий характер «Разгрома» А. Фадеева и «Бронепоезда» Вс. Иванова³.

Отклики о встречах Джона Рида и Герберта Уэллса с Лениным остро заинтересовали в свое время многих зарубежных писателей. И когда появились, уже после смерти вождя, первые значительные художественные произведения, в которых ленинский образ предстал во всем своем величии и простоте, многие художники связывали имя Ленина с новым характером искусства, возникшего в революционной России. Об этом писали Ромен Роллан и Поль Вайян-Кутюрье. Последнему принадлежат слова, написанные в 1925 г.: «Ленин — это законченный тип нового человека; он являлся для нас прообразом человека будущего»⁴.

О разносторонней одаренности Ленина, о широте его взглядов на жизнь, на историю, о его действенной любви к людям высказывались Бернад Шоу и Генрих Манн⁵. А немецкий революционный писатель И. Бехер в своей статье «Мой путь к Ленину» выразил мысли и чувства многих зарубежных художников. «Ленин дал мне ответ на вопрос: «Что делать?» — писал он. — В трудах Ленина я нашел то, чего так долго искало человечество — правду жизни». И далее он подчеркивает значение писем Ленина к Горькому для его собственной творческой судьбы. «Ленин своими письмами к Горькому разрешил многое, что еще оставалось для меня загадкой»⁶.

Интерес к ленинской теме в советской литературе не угасает среди зарубежных писателей и в последующие десятилетия. Глубина постижения образа Ленина, создаваемого советскими писателями в разное время, является для них своеобразным камертоном, по которому выверяется идейная и нравственная чистота советской литературы.

Естественно, что Горький и Маяковский, заложившие основы литературы социалистического реализма, создавшие самые яркие и художественно совершенные, проникнутые

¹ См. История русской советской литературы. Т. I. М., «Наука», 1967, стр. 680.

² Там же, стр. 681.

³ Там же.

⁴ История русской советской литературы. Т. I, стр. 663.

⁵ Там же, стр. 663—664.

⁶ Там же, стр. 664.

глубокой философской мыслью произведения о Ленине и деятелях революции, стали для многих прогрессивных зарубежных писателей «властителями дум», бесспорными литературными авторитетами. «Вы были подобны высокой арке, соединяющей два мира, прошлый и будущий...»¹ — писал Роллан Горькому. «Герои Горького несли в себе революцию...»² — отмечал Бернард Шоу. «Если мы сегодня много знаем о русском народе, если мы его любим и верим в силу его духа, то этим мы, в огромной степени, обязаны Вам, Максим Горький...»³. — признавался С. Цвейг в письме к основоположнику советской литературы.

Многие зарубежные писатели, среди них Эптон Синклер, Стефан Цвейг, Юлиус Фучик и другие, называли себя последователями Горького.

Вдохновенное поэтическое слово Маяковского зажигало Христо Смирненского, Иоганнеса Бехера, Назыма Хикмета, Юлиана Тувима и Владислава Броневского, Станислава Неймана и Иржи Волькера — певцов нового мира.

Советская литература завоевывает признание у зарубежного читателя верностью жизненной и исторической правде, энтузиазмом, с которым она изображала огромные социальные преобразования в стране, глубиной раскрытия психологии нового человека. Внимание мировой литературной общественности привлекают «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Петр Первый» А. Толстого, романы К. Федина, Л. Леонова, И. Ильфа и Е. Петрова, поэмы А. Твардовского и Э. Багрицкого, пьесы Н. Погодина и Вс. Вишневского и многие другие произведения, в которых правдиво показаны исторические судьбы страны и народа, взявших на себя трудную миссию освобождения человечества от всего того, что унижает и уродует человеческую душу, миссию борьбы за социальную справедливость, за строительство новой жизни.

Большинство зарубежных писателей, воздавая должное литературе, сумевшей «с высоты победившей революции пересмотреть весь мир и поэтически открыть его вновь» (И. Бехер), единодушно подчеркивают, что невозможно создать историю мировой литературы без лучших произведений советских писателей. «Вехой в истории пролетарской литературы» назван роман Н. Островского «Как закалялась сталь»; «книгой небывалой, книгой нового типа» — «Педагогическая

¹ Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. (Архив А. М. Горького, т. VIII). М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 333.

² «Иностранная книга», 1932, № 9, стр. 43.

³ Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами, стр. 29.

поэма» А. Макаренко. О романах М. Шолохова существует за рубежом большая и многообразная критическая литература. Председатель правления Общества новой японской литературы Киетару Ханада назвал Шолохова советским писателем, «наиболее любимым японскими читателями», художником, облик которого «исполнен глубокой человечности»¹.

Революционных и прогрессивных писателей мира покоряет в лучших произведениях советской литературы героический пафос, безкомпромиссность и честность в отстаивании великих идеалов, беспощадность и последовательность в борьбе с реакцией и фашизмом. На вопрос, что дает ей советская литература, известная чешская писательница Мария Пуйманова в свое время ответила: «Героический взгляд на жизнь! Читаю ли я Островского, Фадеева или Полевого, меня всегда снова и снова укрепляет и восхищает моральная красота, которой отличается советская книга. Человек должен поклониться самопожертвованию, выносливости, храбрости и вере советского человека, которые буквально сворачивают горы. Советская литература — это литература глубокого содержания и прямого пути»².

Можно было бы привести немало высказываний зарубежных читателей и писателей о советской литературе периода Великой Отечественной войны, когда в битвах с гитлеровским фашизмом решалась судьба не только Советской страны, но и всего мира. В большинстве из них подчеркивается героический характер литературы, вместе с народом поднявшейся на смертельную битву с врагом. «Музы на советском фронте, как и в советском тылу, не бегут от войны», — было сказано во французском журнале «Франция — СССР» в феврале 1944 г., а газета американских коммунистов «Дейли уоркер» в самом начале победного 1945 г. отмечала: «Русская военная поэзия играет большую роль в эпической борьбе советского народа с нацистскими захватчиками, большую, чем мы можем себе представить в Америке, где поэзия все еще рассматривается как нечто далекое от простого человека»³.

В первые послевоенные годы и в особенности в последние 10—15 лет интерес к советской литературе за рубежом растет.

Вполне естественно, что зарубежные читатели и почитатели советской литературы стремятся разобраться в новых процессах, идущих в нашей общественной жизни и своеоб-

¹ Четвертый съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М., «Советский писатель», 1968, стр. 313.

² Журнал «Славяне», 1954, № 11, стр. 25.

³ История русской советской литературы, т. III, стр. 507.

разно отражающихся в литературе. Многочисленные издания и переиздания за последние десятилетия во многих странах произведений Б. Полевого, К. Симонова, С. Залыгина, К. Паустовского, Г. Николаевой, Д. Гранина, В. Тендрякова, В. Липатова, П. Нилина и многих других свидетельствуют о глубокой заинтересованности зарубежных читателей в книгах, ставящих большие жизненные проблемы, изображающих жизнь правдиво.

За рубежом по-прежнему переиздаются произведения М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, А. Фадеева, М. Шолохова, К. Федина, Н. Островского, И. Эренбурга, Л. Леонова, В. Катаева. Если в 20-х и 30-х годах книги этих писателей выдерживали десятки зарубежных изданий, то сейчас они печатаются сотни раз.

В наши дни за рубежом читают в переводах произведения не только русских советских писателей, но и представителей многих национальных литератур Советского Союза. Широкую известность получили романы М. Стельмаха и Мухтара Ауэзова, новеллы и повести Ю. Яновского и Чингиза Айтматова, Ю. Рытхэу и В. Быкова, книги Садриддина Айни, стихи и поэмы М. Бажана и М. Танка, Р. Гамзатова и К. Кулиева, Э. Межелайтиса и Г. Абашидзе. Например, произведения Ч. Айтматова издавались за границей свыше 30 раз. Повесть «Джамиля», принесшая молодому киргизскому писателю поистине всемирную славу, за неполное десятилетие вышла во Франции, Индии, Голландии, Италии, Турции и во многих других странах в общей сложности 20 отдельными изданиями¹.

В отчетном докладе на II съезде советских писателей (1954 г.) отмечалось, что писатели колониальных и полуколониальных стран проявляют огромный интерес к книгам казахских, киргизских, таджикских, узбекских, туркменских, азербайджанских писателей, в которых изображается жизнь ранее забытых и угнетенных народов².

Трудно переоценить роль советской литературы в формировании и развитии литератур стран социалистического лагеря. Общность целей при всем национальном различии породила множество типологических явлений, плодотворно сказавшихся на судьбах этих литератур. Об этом шла речь на всех писательских съездах и в нашей стране, и в дружеских нам странах.

Факты и цифры, характеризующие распространение советской литературы за рубежом, являются серьезным показ-

¹ См Т. Мотылева. Глазами друзей и врагов. М., «Художественная литература», 1967, стр. 28.

² См. Второй всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., «Советский писатель», 1956, стр. 16.

зателем. Но ими нельзя ограничиваться, ибо влияние литературы — это более емкое, более сложное понятие. Оно относится и к читателям и к писателям. Если литература способна произвести революцию в сознании людей, читающих ее, то на писателей она действует еще и в профессиональном аспекте: Влияние проявляется многогранно: и в идейном содержании произведения, и в способах эстетического осмысления действительности, и в принципах изображения человека. И когда говорят о влиянии одной литературы на другую, то имеют в виду, разумеется, не подражание, не заимствование, а творческое воздействие ее на характер, направление, поэтику данной литературы.

Влияние советской литературы на мировую литературу — это отнюдь не односторонний, а весьма многосложный процесс. Советская литература развивается в тесном взаимодействии с другими литературами мира.

Идейно-эстетическая близость закономерно порождает взаимовлияния и взаимообогащения литератур. Так, например, могучий поток исторических романов, появившихся в прогрессивной зарубежной литературе в 20-е и 30-е годы, был вызван к жизни историческими потребностями народов, ясно ощущавших величие и трагизм предвоенной эпохи, и расцветом исторического жанра в советской литературе этого периода. Думается, что глубокий историзм, сочувствие народным массам, великолепное художественное мастерство произведений таких писателей, как Р. Роллан, Т. Манн, А. Франс и другие, оказывало известное влияние и на советских исторических романистов.

А. М. Горький восторгался историческими произведениями Роллана, которого он называл «прекрасным писателем», мужественным бойцом за справедливость, «Человеком Человечества»¹. Высоко ценил он «Современную историю» А. Франса, считая ее «самой сильной и безжалостной книгой XX века»², с уважением относился к «обличителю гнусностей фашизма» Л. Фейхтвангеру, роман которого «Успех» назвал «исторически ценной книгой»³.

Большое влияние на творческую эволюцию А. Толстого оказал А. Барбюс. Об этом пишет сам автор «Петра Первого». Во время мировой войны 1914—1918 гг. появился роман Барбюса «Огонь». Советский писатель в пору работы над трилогией «Хождение по мукам» пишет: «Его книга потрясла душу, она была подобна дуновению освежающего ветра, пролетевшего над европейской пустыней. То было слово великого гуманиста, произнесенное в годы всеобщего одича-

¹ См. М. Горький. Собр. соч., т. 30, стр. 213, 309.

² Там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 392.

ния и ненависти». Далее, А. Толстой признается, что «даже отдаленное понимание нового было невозможно без переоценки тех идей, с которыми мы вошли в войну. И творчество Анри Барбюса стало одним из звеньев в сложном и трудном деле переоценки всех ценностей».

Советская литература, воспринимая все ценное и здоровое в зарубежных литературах, в творчестве прогрессивных и революционных писателей, стремится завоевать на свою сторону честных, но колеблющихся и сомневающихся художников. В то же время она решительно отвергает все то, что противоречит ее благородным принципам и целям.

Мировой литературный процесс никогда не представлял собой идиллическую картину. В нем наряду с реалистическими направлениями существовали и существуют направления, очень далекие от действительности, от живых потребностей людей, тенденции, ведущие к разрушению искусства. Совершенно очевидно, что, скажем, идеи, концепции мира и человека, концепция героя, утвердившиеся в советской литературе, резко противостоят тем «концепциям», которые проповедуются в модернистской литературе.

Революционный мир, преодолевающий хаос, борьба за социализм, человек, духовно растущий и действенный, постоянно перестраивающий мир по законам справедливости и красоты, активно участвующий в строительстве новой жизни,— все это неведомо и чуждо литературе модернизма, преисполненной веры в «потусторонний» мир, преклоняющейся перед хаосом и мистикой и изображающей человека маленьким, беспомощным и одиноким.

Советская литература, борясь с реакционными направлениями в буржуазной эстетике и искусстве, отбрасывая все то, что мешает развитию идей прогресса и человечности, лучшими своими произведениями утверждает эстетические идеалы, близкие и понятные честным людям всей земли, вносит свой вклад в дело сближения народов и литератур мира, в художественное развитие всего человечества.

Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху не только в истории человечества, во взаимоотношениях стран и народов, но и в судьбах мировой литературы. Ускоренное и более стремительное развитие действительности, революционизирующее влияние идей Октября на все сферы жизни не могли не наложить своего отпечатка и на литературные процессы, происходившие во всех странах мира.

На смену старым традиционным взглядам на жизнь, на человека пришли в мировую литературу новые веяния, новые герои, новые эстетические и художественные оценки действительности, прошлого, настоящего и будущего. Появи-

лось немало произведений, на которых лежит прямой отблеск великой революции, но еще больше таких, которые непосредственно с нею не связаны, однако немыслимы без ее животворной атмосферы. Новая эпоха породила и новый тип писателя, полного сознания своей высокой общественной роли, своей моральной ответственности перед своим народом и перед всем человечеством.

После 1917 года мировой литературный процесс, его характер и направление определяют такие крупные писатели, как Максим Горький, Владимир Маяковский, Ромен Роллан, Анатоль Франс, Теодор Драйзер, Бернард Шоу, Анри Барбюс, Томас Манн и Генрих Манн, Мартин Андерсен Нексе и многие другие, для которых революция и прогресс, революция и гуманизм, революция и светлое будущее неразрывны, неразделимы. Большинство из них с воодушевлением и доверием восприняли идеи Октября, которые были затем воплощены ими в художественных образах. И в своих исторических романах, и в произведениях, посвященных жгучим проблемам современности, они оставались воинствующими гуманистами, борцами за социальную справедливость и прогресс. В 30-е годы, когда над миром сгустились тучи военной опасности, когда фашизм угрожал свергнуть человечество в чудовищную катастрофу, их голос звучал с особой силой. Именно в это время создают свои антифашистские произведения прогрессивные немецкие писатели, писатели других стран мира.

Критический реализм, характерный для прогрессивной литературы первых послевоенных десятилетий, под влиянием идей Октября постепенно приобретает новые черты и качества. В творчестве его лучших представителей все сильнее и сильнее звучат социалистические мотивы, сближающие их с искусством, рожденным в стране Октября. (Например, творчество Р. Роллана, А. Барбюса, А. Цвейга, Л. Фейхтвангера, Роже Мартен дю Гара).

Влияние советской литературы на мировой литературный процесс, на творчество прогрессивных писателей мира — факт неоспоримый. Но это следует понимать не узко, не односторонне, а во всем объеме этого понятия, ибо воздействие новой литературы шло по нескольким направлениям. Это — и советская действительность, вызывавшая глубокий интерес, и рост революционных настроений за рубежом после Октября 1917 г., и новый характер, новые эстетические качества литературы.

Одной из важнейших особенностей советской литературы является то, что она буквально с первых шагов своего существования «ворвалась» в мировой литературный процесс, приобрела огромную притягательную силу и необычностью своей тематики, и свежестью красок, которыми изобража-

лись события и люди новой революционной России, и проблематикой, волнующей все человечество.

В наш век нельзя себе представить мировую литературу без советской литературы, отразившей все социальные процессы наиболее полно и последовательно.

Правдивость, беспощадность в обличении зла и несправедливости, борьба за социализм, поддержка всего передового и прогрессивного в мире, глубокие и искренние чувства интернационализма, коммунистическая партийность, убежденность снискали лучшим произведениям многонациональной советской литературы добрую и вполне заслуженную славу, породили у нее множество друзей, восхищающихся ее успехами, и многочисленных врагов, ведущих изо дня в день яростную войну против ее принципов и идеалов.

Органическое включение советской литературы в мировое литературное развитие вполне закономерно. Оно было подготовлено всей предшествующей историей русской литературы, в особенности XIX века. Ведь именно в это время русская литература вышла на широкий мировой простор, стала вызывать всеобщий интерес глубиной проникновения в социальную суть жизненных явлений, ярко выраженным гуманизмом, умением показывать психологию, «диалектику души» человека, своим необычайным художественным мастерством.

Читая Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого, Тургенева и Чехова, зарубежные писатели открывали для себя духовный мир не только русского человека, но и своего современника, живущего тревогами и радостями века, жадно ищущего ответы на самые сложные и запутанные вопросы жизни. Таким образом, заботы русских писателей очень часто становились понятными писателям разных стран мира вне зависимости от обычаев, языка, веры. Вот почему многие зарубежные писатели еще в прошлом веке говорили о влиянии на их творчество русской литературы, с гордостью называли себя последователями великих русских писателей. А художественные открытия русской литературы нередко становились достоянием многих национальных литератур. Это, разумеется, не значит, что русская литература, в свою очередь, не испытывала благотворных влияний других литератур.

С возникновением в России революционной литературы, вобравшей в себя лучшие традиции прошлого, литературные связи и взаимовлияния в мире стали богаче и разнообразнее. Мировой литературный процесс XX века нельзя глубоко понять без Горького, с именем которого связаны новые идеи и образы, новый творческий метод в искусстве, без Маяковского, раскрывшего с невиданной поэтической силой ве-

личие революционной эпохи, без лучших призывов советской литературы, вызванных к жизни драматической борьбой народа, прокладывающего всему человечеству дорогу в будущее.

Эстетические и художественные ценности, созданные в первой в мире социалистической стране, естественно, порождали и порождают среди зарубежных писателей и литературоведов не только познавательный интерес, но и стремление понять, осмыслить процессы, происходящие в литературе, выдвинувшей множество новых и сложных проблем, неизвестных ни старой русской, ни современной зарубежной литературе. Новая революционная философия жизни, новая концепция мира и человека, значительно раздвинувшие горизонты эстетического освоения действительности, не могли не повлиять на мировую литературу, на творчество писателей, задумывающихся над смыслом событий, происходящих в наш бурный, революционный век.

В выработке научных взглядов на советскую литературу большую роль сыграли многие крупные прогрессивные писатели мира, которые стремились разобраться в новаторском характере, в эстетических особенностях литературы, рожденной Октябрем, в новых жизненных, социальных и нравственных проблемах, выдвигаемых ею. Например, Ромен Роллан отмечал, что сила советской литературы — в новом характере коллективизма, которым проникнуты лучшие ее произведения, в изображении нового героя, активно и деятельно перестраивающего старый мир. «Монументальны полотна коллективной жизни, которые мы находим в главных советских романах, — писал он, — тот, кто прочел их, как бы окунулся в поток коммунизма, где закаляются молодые и сильные люди нового поколения»¹. Вместе с тем Р. Роллан обращал внимание советских писателей и на необходимость более глубокого проникновения во внутренний мир нового человека.

В разное время по-разному проявлялся за рубежом исследовательский интерес к советской литературе, но всегда она представляла собой заманчивый материк. К ее изучению подступали с разных сторон, подталкиваемые разными соображениями, нередко весьма далекими от научных. Однако процесс познания литературы нового мира никогда не прекращался. Если в первое послереволюционное десятилетие ее изучение не шло далее статей об отдельных писателях и книгах, то в 50-е и 60-е годы за рубежом появляются солидные исследования, основанные на устойчивых взглядах и концепциях, выработанных целыми школами и направлениями,

¹ Ромен Роллан. Собр. соч., т. 14, М., ГИХЛ, 1958, стр. 578.

Среди множества зарубежных специалистов по советской литературе встречаются разные люди — и дружески настроенные, стремящиеся объективно разобраться в ее сложных процессах, и бесспорно честные, но заблуждающиеся, колеблющиеся и, наконец, преднамеренно, в угоду определенным политическим интересам, искажающие подлинный облик советской литературы.

При изучении огромного количества статей и книг о нашей литературе, появившихся во многих странах мира, необходимо учитывать всю сложность и пестроту картины, отражающей напряженность и остроту идеологической борьбы на современном этапе. Делить авторов этих работ только на друзей и врагов — значит упрощать и «выпрямлять» задачу выявления всех тонкостей и нюансов нынешней духовной жизни и борьбы, происходящей в мире.

В современной идеологической борьбе в области литературы и искусства нашими естественными союзниками выступают за рубежом не только ученые стран социалистического лагеря, но и те исследователи нашей литературы в капиталистических странах, которые стремятся честно и объективно разобраться в ней. Среди них мы встречаем коммунистов и беспартийных, людей разных взглядов и убеждений. Пусть они нередко ошибаются, но они ищут правильные ответы на волнующие их вопросы. Ведь вот, например, на IV съезде советских писателей прозвучали речи отдельных зарубежных писателей, в которых содержались неверные, весьма односторонние оценки некоторых литературных явлений. Но кто может сомневаться в том, что эти люди искренне и от всей души ценят советскую литературу? Можно ли их, как и многих других ошибающихся, зачислять в разряд врагов советской литературы?

Чем объективнее мы будем определять «кто есть кто» в современном сложном и противоречивом литературном мире, тем легче будет нам вести борьбу с подлинными недругами нашей литературы.

ОБЩИЕ ЦЕЛИ И ИНТЕРЕСЫ

Советскую литературу любят, знают, ценят во всех странах социалистического лагеря, ибо она помогает познавать глубинные процессы общественной, народной жизни в стране Ленина, прокладывающей путь в будущее всему человечеству. По лучшим ее произведениям наши друзья судят о закономерностях социализма, о новых людях, строящих новую жизнь.

Естественно, что изучение советской литературы в социалистических странах в последнее десятилетие приобрело ог-

ромный размах. В каждой стране она изучается по-своему, — но с одинаковым искренним желанием поглубже и всесторонне разобраться в особенностях литературы, оказывающей все возрастающее влияние на развитие мировой литературы.

Во всех социалистических странах советская литература широко распространяется и пропагандируется, изучается в школах и высших учебных заведениях, исследуется учеными и критиками. Обратимся ли мы к странам социализма Европейского или же Азиатского континентов, к далекой Кубе, везде наблюдается огромный, живой интерес к нашей литературе, к творчеству многих советских писателей, завоевавших признание во всем мире. Ведь только за последние годы многие сотни книг, начиная от произведений Горького и Маяковского и кончая произведениями Симонова и Айтматова, увидели свет буквально во всех социалистических странах. Нередко можно встретить здесь самые восторженные отзывы о советской литературе писателей, критиков, читателей. Известный монгольский критик Г. Жамсаранжав недавно писал: «Образы Павла Власова, Чапаева, Павла Корчагина, Олега Кошевого глубоко запали в сердца тысяч читателей нашей страны, особенно молодежи, стали примером для подражания, вечным примером мужества и героизма». Этим же критиком подчеркивается огромная роль произведений советских писателей в духовном прозревании, в росте социалистической сознательности народных масс. «Для многих аратов в Гоби и Хангае роман Шолохова «Поднятая целина» был откровением, вдохновил на вступление в сельхозобъединения, заставил по-новому решать свою судьбу».

Высокую оценку критики получили в Венгрии произведения К. Симонова, Расула Гамзатова, Чингиза Айтматова и других советских писателей. «Симонов всегда на первой линии огня, — пишет видный венгерский критик Пал Е. Фехер. — Его произведения публицистичны в самом высоком смысле этого слова, он смотрит на прошлое и будущее с позиций наших дней». Трилогию Симонова («Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето») он называет «одним из самых выдающихся произведений о второй мировой войне».

Об интересе к советской литературе свидетельствуют и некоторые цифры. Так, в Монголии с 1965 по 1969 г. переведено и издано 415 произведений советской и русской литературы, в Венгрии за 1967—1970 гг. издано около 150 названий произведений советских авторов. Даже в тяжелых условиях Вьетнама книги советских авторов издаются массовыми тиражами.

Образы героев гражданской и Великой Отечественной войны Советского Союза, созданные Фадеевым и Симоно-

вым, Фурмановым и Шолоховым, помогают вьетнамским борцам за счастье и светлое будущее своей родины.

Об огромном интересе к советской литературе, проявляемом на Кубе, рассказывают недавно возвратившиеся оттуда советские литературоведы. Их буквально забрасывали вопросами о наших писателях, о героях наших книг.

В советской многонациональной литературе наши друзья видят олицетворение великой правды века, могучий фактор строительства новой социалистической культуры.

Писатели социалистических стран испытывают плодотворное влияние советской литературы на их творчество, на развитие их художественного мышления. Под ее воздействием в странах социализма возникла новая литература, органически связанная и со своими национальными традициями, и с общими интересами и целями стран, идущих по пути социализма и коммунизма.

Естественно, что в небольшой брошюре нельзя охватить многочисленные вопросы, связанные с изучением советской литературы во многих странах мира. Автор ограничил свою задачу анализом этой темы в ряде европейских стран. Вместе с тем автор считает необходимым вскрыть несостоятельность попыток литературоведов-«советологов» в буржуазных странах опорочить и извратить успехи литературы социалистического реализма.

Серьезный и ценный вклад в изучение советской литературы вносят литературоведы дружественных социалистических стран — ГДР, Болгарии, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии, Югославии.

В последние годы в этих странах появилось немало интересных статей и книг, выдвигающих важнейшие проблемы современного литературного развития, подчеркивающих роль советской литературы в мировом литературном процессе¹.

В Германской Демократической Республике вырос большой и квалифицированный отряд специалистов, активно разрабатывающих проблемы современной советской литературы, истории, теории и методологии литературы социалистического реализма.

Успешному изучению советской литературы в ГДР содействуют богатейшие традиции марксистского литературоведения, идущие еще от Меринга и Цеткин, Либкнехта и Люксембург, от их последователей — Бехера и Зегерс, Абуша и Куреллы.

¹ Об огромном интересе к советской литературе в социалистических странах свидетельствуют и содержательные номера журнала «Вопросы литературы», специально посвященные литературам и литературоведению ГДР и Болгарии (1970, № 12; 1971, № 12).

Методологические проблемы истории советской литературы, творчество выдающихся писателей, отдельные периоды и жанры, советско-немецкие литературные связи, современный литературный процесс, критика буржуазных концепций (в особенности западногерманских советологов) — таков широкий круг проблем, интересующих наших немецких коллег.

Осмысление истории и теории литературы подчинено главной задаче — созданию подлинно научной «Истории советской литературы» для немецких читателей, над которой сейчас трудится авторский коллектив под руководством профессора Х. Юнгера.

Среди работ по методологии изучения советской литературы в республике завоевали признание исследования Х. Юнгера, Г. Шаумана, В. Байтца, Г. Варма, А. Хирше, покойного Э. Вайса и других. Авторы этих работ, как правило, не ограничиваются теоретическими рассуждениями, а привлекают для анализа богатый и разнообразный историко-литературный материал.

Х. Юнгер в работе «Общая и специфически национальная методология изучения истории славянских литератур (к истории русской советской литературы)», опубликованной в научном журнале Йенского университета (*Wiss. Zeitschrift der Fr. Schiller, Universität, Jena, 1965, № 4*), ставит важнейшие вопросы периодизации истории советской литературы и осмысления литературного процесса 30-х годов, выдвигает и обосновывает специфически национальные аспекты изучения советской литературы в ГДР.

Автор статьи, идя в русле плодотворных поисков советского литературоведения, правомерно считает, что периодизацию истории советской литературы необходимо связывать не только с общественно-политическими событиями, но и с тенденциями и закономерностями развития самой литературы.

Х. Юнгер намечает основные задачи изучения истории русской советской литературы в ГДР. Каждое исследование, подчеркивает он, преследует определенные цели, отвечает современным потребностям общества. В этом смысле значение советской литературы для немецкого общества, строящего социализм, трудно переоценить.

Большое научное значение имеет и работа Г. Шаумана «Методологический аспект изучения драматургии в истории русской советской литературы», появившаяся на страницах «Цейтршрифт фюр славистик» (*ZfSl*). Определяя место драматургии в литературном процессе вообще и в советской литературе 30-х годов в особенности, автор главным образом исследует две проблемы, которые были наиболее актуальными в тот период: поиски новых форм и соотношения традиций и новаторства.

На протяжении всей статьи Г. Шауман настойчиво, хотя и несколько прямолинейно, проводит мысль, что только те произведения советской драматургии заняли прочное место в прогрессивной литературе, которые отразили всемирно-исторический конфликт между капитализмом и социализмом. Он подчеркивает особую роль, которую сыграли драмы Горького начала 30-х годов, а также пьесы В. Билль-Белоцерковского, К. Тренева, Вс. Иванова, Б. Лавренева, Вс. Вишневского. Г. Шауман обстоятельно освещает суть теоретических споров 30-х годов об изображении индивидуума и массы, о герое драмы и т. п. В результате дискуссий, утверждает он, советская драматургия обогатилась более точным представлением о подлинном герое эпохи.

Не со всем в работе Г. Шаумана можно согласиться, в частности с его оценкой деятельности В. Киршона, Н. Погодина, А. Афиногенова. Эти драматурги, считает автор, не случайно мало известны за рубежом: причиной этого послужили, мол, их национальная замкнутость и отрешенность от больших социальных конфликтов эпохи. Но разве не известно, что именно Киршон и Афиногенов ставили в своих произведениях острые социальные и нравственные проблемы, которые не утратили своей актуальности и сегодня? А Погодин, создавший знаменитую трилогию о Ленине, разве мог стоять в стороне от важнейших идей века?

В решении методологических проблем в современной немецкой славистике достойное место заняла и другая работа Г. Шаумана. Я имею в виду его статью «К постановке проблематики отчуждения в советской литературе», опубликованную в 1965 г. в «ZfSl». Ссылаясь на труды классиков марксизма-ленинизма, он устанавливает суть понятия отчужденности человека в капиталистическом обществе, где над человеком, оторванным от орудий и средств производства, от результатов своего труда, господствуют вещи, товары. Отчужденность в труде отрывает человека и от общества, человека от человека.

Реалистическая литература XIX века во множестве значительных произведений отобразила отрицательное действие денежных и товарных отношений на отношения между людьми. Автор ссылается на романы Достоевского, Льва Толстого и других писателей, в которых показан трагизм отчуждения человека от общества.

Ликвидация, преодоление отчужденности человека связаны с уничтожением эксплуатации человека человеком. Революция выдвинула самую великую социальную и нравственную программу — освобождение человека. Причем не только экономическое, но и моральное, духовное.

В работе Г. Шаумана ставится интересный вопрос о цельности человеческой личности, гармоническое развитие

которой содействует и преодолению ее отчужденности. Этот сложный процесс автор прослеживает на всех этапах развития советской литературы, начиная от первых ее шагов и кончая современностью. Огромную роль в духовном раскрепощении человека, по мысли автора, играет труд. Недаром тема освобожденного, творческого труда занимает такое значительное место во всей истории советской литературы.

Вместе с изменением человека меняются и принципы его изображения в искусстве. Автор рассматривает проблему преодоления отчуждения в органической связи с поисками советских писателей в области формы. Проблема отчуждения человека, по мнению Шаумана, ставит целые комплексы и других проблем: интеллигенция и народ, развитие новых отношений между людьми, конфликт между религиозным и научным мышлением, отображение капиталистического мира в литературе социалистического реализма и др. «Преодоление отчуждения,— пишет Г. Шауман в заключение своей статьи,— и рост нового сознания — это две диалектически связанные стороны общественного развития. От десятилетия к десятилетию советская литература все больше и больше становится литературой социалистического реализма, ибо в центре ее стоит жизнь социалистического человека».

Серьезное значение в изучении связей советских и революционных немецких писателей приобрела последняя работа Э. Вайса «Социалистические немецкие писатели, их отношение к развитию советской литературы в период 1917—1933». Исследование его появилось в середине 60-х годов в «ZfSl». Построенная на богатом фактическом материале, в том числе и архивном, статья дает представление о главных закономерностях развития советской и немецкой литератур 20-х и начала 30-х годов. В ней говорится о творческих связях Бехера, Вольфа, Вайскопфа, Ренна, Грюнберга, Мархвицы, Киша со многими советскими писателями.

В работе Э. Вайса подробно освещается деятельность Бюро революционных немецких писателей в СССР, его связь с РАПП, с живым литературным процессом. Автор говорит не только о положительном в деятельности РАПП, но и об ее ошибках, сказавшихся и в творчестве революционных немецких литераторов.

Большое место в работе Э. Вайса занимает характеристика теоретических конференций и дискуссий, в которых активное участие принимали и немецкие революционные писатели. Речь идет о спорах 1931—1932 гг., посвященных творческому методу советской литературы, значению классических традиций, партийности и свободе художественного творчества.

Посмертно, в 1971 г., вышла в Берлине содержательная книга Э. Вайса «Йоганнес Бехер и развитие советской лите-

ратуры», в которой показаны вклад выдающегося революционного немецкого поэта в развитии теории социалистического реализма, его всесторонние творческие связи с Горьким, Маяковским, со многими деятелями советской культуры. В книге обстоятельно характеризуется влияние советской литературы на творчество И. Бехера.

Важные вопросы методологического характера ставятся и во многих других работах наших немецких коллег. Нельзя не упомянуть статей В. Байтца «Сила изображения человека в советской литературе», Н. Людвиг «Процесс отчуждения (одинокства) в литературе критического реализма и его преодоления в литературе социалистического реализма», Г. Варма «К становлению, развитию и сущности романа-эпопеи социалистического реализма», А. Хирше «Интерпретация героя современного русского советского романа в Западной Германии», Г. Шаумана «К проблеме положительного героя в социалистической сатирической комедии», напечатанных в «ZfSl».

В этих работах на разнообразном материале из истории советской литературы, на анализе творчества ее крупнейших художников ставятся вопросы: о национальном и интернациональном, цельности и ущербности человеческого характера, современном герое, традициях Горького и Маяковского, принципах социалистического реализма. Собранные вместе, эти исследования свидетельствуют о значительно возросшем уровне литературоведческой мысли в ГДР.

Слависты ГДР, кроме теоретических и методологических проблем, решают в своих трудах множество вопросов, связанных с творчеством крупных советских писателей. Имеются определенные сдвиги в горьковедении, в изучении творчества А. Толстого и М. Шолохова, К. Федина и Л. Леонова и других писателей.

К 100-летию со дня рождения А. М. Горького в ГДР вышла ценная библиографическая книга, составленная Э. Чиковским, И. Илдииковской и Г. Шварцем «Максим Горький в Германии». Подготовленная с исключительной тщательностью и добросовестностью, она дает полное представление об освоении горьковского художественного наследия в Германии за последние почти 70 лет и в особенности после 1945 г.

В дни юбилея в ГДР появилось немало новых работ о творчестве великого писателя. Среди них книга «С человечеством на ты. Писатели мира о Горьком» с предисловием Ральфа Шрёдера, в которой раскрывается роль основоположника советской литературы в развитии мировой культуры, его связи с крупнейшими художниками мира. В своей новой книге «Обновление Горьким фаустианской традиции» (1971) Р. Шрёдер на сопоставлении творчества Горького с мировой литературой XIX—XX веков стремится выявить своеобразие его как художника социалистического реализма, по-новому решавшего фаустианскую проблему, т. е. проблему активного отношения к действительности, к возможностям ее познания и преобразования. Однако автор не избежал схематизма и некоторой надуманности, когда стал искусственно подтягивать к своей концепции писателей разных эпох и направлений, разных идейно-эстетических устремлений.

Итогом многолетнего изучения творчества А. Толстого явилась обстоятельная монография Х. Юнгера «Алексей Толстой. Познание и отображение» (Берлин, 1969). В книге рассматриваются такие важные проблемы, как художник и революция, особенности развития реализма в XX веке, становление социалистического реализма в творчестве писателя слож-

ной, противоречивой судьбы и др. Большое внимание уделяется автором полемике с западногерманскими литературоведами А. Лютером и В. Леттенбауэром, В. Сечкаревым, А. Арсеньевым и В. Астровым, тенденциозно освещающими творческий путь А. Толстого.

Так, в книгах В. Леттенбауэра извращается не только творчество А. Толстого, но и подлинная история советской литературы. Выдавая ряд слабых произведений послевоенных лет за лучшие образцы социалистического реализма, В. Леттенбауэр считает возможным умолчать о произведениях Шолохова, Фадеева, Твардовского, Полевого, Симонова, Гранина, Арбузова, Казакевича и других писателей, широко известных немецким читателям.

С боевыми, полемическими статьями, в которых разоблачаются западногерманские критики, стоящие на позициях антикоммунизма, выступают многие литературоведы ГДР (Г. Цигенгайт, Х. Бильфельдт, В. Хартке, Э. Хексельшнайдер, Х. Мюкенбергер, А. Хирше и другие). В свое время появился интересный коллективный труд «Наука на распутье» (Wissenschaft am Scheidewege. Berlin, 1964), привлекавший внимание общественности своей аргументированной критикой концепций деятелей «Остфоршунга», кровно заинтересованных в искажении правды о советской литературе.

Несколько позднее была опубликована статья А. Хирше «Гуманистическая основа современной советской литературы и ее искажение в западногерманской критике» («ZfSl», 1966, № 2), в которой автор показал полную несостоятельность «концепции» наших идейных противников, тщетность их попыток извратить гуманистическую сущность современной советской литературы. Слависты ГДР идут в одном строю с советскими учеными, борющимися с фальсификацией истории советской литературы в зарубежной советологии.

Серьезным толчком к изучению творчества М. Шолохова в ГДР явился международный симпозиум в Лейпциге, посвященный 60-летию писателя. Доклады и сообщения наших немецких коллег вызвали большой интерес. Выступления В. Байтца, Г. Варма, Э. Мировой-Флорин, Х. Юнгера, Х. Грюндлера, Х. Конрад, К. Каспера, Н. Людвиг, Х. Флиге, А. Хирше и Р. Шмидта во многом обогатили представления о шолоховском творчестве, показали значение «Тихого Дона» и «Поднятой целины» не только для судеб новой немецкой литературы, но и для судеб всей немецкой нации. Материалы симпозиума были затем опубликованы в сборнике «М. Шолохов. Произведения и влияния», вышедшем в 1966 г. в Лейпциге.

В Галле на протяжении нескольких лет издавалась специальная серия — библиотечка «Путь к литературе». Появились книжки Г. Шаумана и Ф. Шульцики о Маяковском, Х. Юнгера — об А. Толстом, В. Байтца — о Серафимовиче, К. Каспера — о Фурманове, М. Гиро — о Макаренко. Рассчитанные на массового читателя, эти маленькие критико-биографические очерки дают верное представление о месте того или иного писателя в советской литературе, о пафосе его произведений. В Берлине вышла книжка Г. Дювель о творческих взаимоотношениях Вишневского и Вольфа. Ряд интересных работ о творчестве К. Федина опубликовали В. Дювель, К. Каспер, Н. Тун, Б. Хиллер, Ф. Шульцики, А. Целлер, о мастерстве Вс. Иванова — К. Глобиг. В 1971 г. в Лейпциге появилась книга исследований о творчестве Л. Леонова.

Изучая закономерности развития советской литературы, слависты ГДР больше всего внимания обращают на формирование в социалистическом обществе нового человека, на принципы его изображения в литературе. Еще в 1964 г. увидел свет коллективный труд «О становлении коммунистического человека». Авторы вступительной статьи, обращаясь к произведениям советской литературы начала 60-х годов, рассматривают некоторые вопросы, стоящие по сей день в центре дискуссий во многих странах социалистического лагеря: герой и общество, новые отношения между людьми, духовный рост человека, воспитание молодежи.

Авторов интересует, как в современной поэзии и прозе отражается нравственный и духовный облик советского человека. Они пишут о цельности личности, гармоническом развитии нового человека и т. п. Однако исследователи, на мой взгляд, иногда обходят сложности современных поисков новых выразительных форм и средств, не всегда учитывают индивидуальные особенности, творческий психерк того или иного писателя.

Сейчас можно уже говорить о новом этапе в изучении историко-литературных проблем славистами ГДР. Если в конце 50-х годов изучение шло больше вширь, происходил процесс накопления фактов, то в настоящее время славистов интересуют проблемы и тенденции, закономерности развития литературы. Исследование истории советской литературы становится концептуальным. Все более активизируется борьба с враждебными идеями и «теориями», идущими с буржуазного Запада.

Литературоведы ГДР, изучающие историю советской литературы, постоянно обращаются к современности, стремясь увидеть в ней дальнейшее развитие и осуществление тех тенденций, которые только намечались в прошлом. Одновременно интересы современности требуют объективного и трезвого подхода к историко-литературным фактам. Поэтому во многих работах, посвященных советской литературе, мы встречаемся с сопоставлениями и параллелями; прослеживаются нити, идущие из прошлого к нашим дням и от наших дней — в прошлое.

К 50-летию великого Октября литературоведы ГДР подготовили и выпустили в свет ряд интересных работ, посвященных современной советской литературе. Можно назвать солидный академический сборник «Slavistische Beiträge» (1967), работу В. Байтца «Советская литература 50 лет спустя после великого Октября» («Научный журнал Галльского университета», XVI, 67, № 4/5) и др.

В 1968 г. к VI Международному конгрессу славистов в Праге вышла подробнейшая библиография публикаций по славистике (в том числе и по русской советской литературе) в ГДР с 1946 по 1967 г. Знакомясь с библиографией, ощущаешь размах и масштабы исследований, которые ведутся в последние годы немецкими литературоведами по изучению советской литературы. Наряду со многими десятками обобщающих работ появилось в республике за это время и около 40 статей и рецензий об отдельных советских писателях от Горького и Маяковского до Смелякова и Вознесенского.

Нашими немецкими друзьями сделано уже немало. Но впереди еще много работы.

История многонациональной советской литературы богата многообразием талантов, направлений и стилей. И ученые из ГДР с интересом изучают многонациональную литературу Советской страны, масштабные философские поэмы Меже-

лайтиса и Абашидзе, мудрую лирику Гамзатова и Кулиева, повести и рассказы Айтматова, романы Гончара и Слуцкиса. Уже сейчас имеются статьи Г. Дудека о творчестве Олеса Гончара, Р. Опитца и А. Лучинян о Чингизе Айтматове, словарь «Литературы народов СССР» (под редакцией Х. Юнгера). Все это говорит о том, что в недалеком будущем в республике появятся обстоятельные работы о литературах народов СССР.

В немецкой славистике наряду с эстетическим анализом художественных произведений много внимания уделяется и социально-политическому анализу. И это вполне оправдано. Ведь в демократической Германии, как никогда, ощущается острота политической, классовой борьбы. Но нашим немецким коллегам, впрочем, как и советским литературоведам, предстоит многое сделать, чтобы научиться органически сочетать социологический и эстетический анализ литературы.

В литературоведении отдельных социалистических стран выявился свой национальный аспект, свой угол зрения в изучении советской литературы.

В Болгарии литературоведов привлекают проблемы взаимосвязей, сравнительно-типологического изучения истории советской и болгарской литератур, имеющих, как известно, много общего в своих исторических судьбах.

В работе советского ученого Д. Маркова «Историко-типологические явления в революционных литературах 20-х—30-х годов XX в. (из опыта славянских литератур)», опубликованной в сборнике «Октомври и развитието на българската литература» (1967), ставятся некоторые общие вопросы сравнительного изучения литератур XX века, подчеркиваются закономерность и интенсивность развития социалистических литератур в славянских странах, сходство их художественных структур, дающие возможность изучать эти литературы в типологическом аспекте. Ученый исходит из того, что однотипные явления в национальных литературах объясняются сходством исторических процессов, закономерно развивающихся в разных странах. Поэтому такие явления могут возникать независимо друг от друга.

Обращение советских и болгарских литературоведов к типологическому изучению истории двух братских литератур 20-х—30-х годов далеко не случайно. Именно в это время под влиянием Великого Октября складываются в Советском Союзе и в Болгарии литературы нового типа, происходит процесс консолидации революционных сил, утверждаются принципы нового творческого метода. В обстановке ожесточенной классовой борьбы прокладывает себе дорогу пролетарская, социалистическая литература.

Разобраться во всех сложных перипетиях литературной борьбы в советской и болгарской литературах первых после-

революционных десятилетий, развивавшихся в общем революционном русле, но в разных социально-исторических условиях, изучить все тонкости многообразного и нередко противоречивого литературного процесса, творческую эволюцию многих писателей двух братских литератур — задача далеко не легкая. Но за ее разрешение взялся большой отряд советских и болгарских литературоведов.

В книгах болгарских ученых Г. Цанева, П. Зарева, А. Тодорова, С. Русакиева, В. Велчева, В. Колевского и других обстоятельно показано влияние Октябрьской социалистической революции и советской литературы на формирование революционной болгарской литературы. Кроме трудов общего характера, в Болгарии появилось немало исследований, посвященных крупным советским писателям, оказавшим плодотворное влияние на судьбы новой болгарской литературы. В этом плане значительный научный интерес представляют книги С. Каракостова и И. Цветкова об А. М. Горьком, Г. Цанева, С. Русакиева, В. Колевского, Т. Димитрова — о В. Маяковском, Х. Дудевского — об А. Толстом, А. Блоке, Д. Бедном, М. Шолохове, И. Цонева — о Н. Островском.

Для более успешного изучения советско-болгарских литературных связей большую роль сыграл и изданный в Болгарии трехтомный сборник материалов, документов и воспоминаний «Советская литература в Болгарии. 1918—1944».

В болгарском литературоведении, так же как и в советском, в последние годы происходят знаменательные процессы. Глубже и обстоятельнее стали изучаться проблемы истории и теории литературы социалистического реализма, проблемы современной литературы. На более серьезном научном и методологическом фундаменте исследуются проблемы болгаро-советских литературных связей, типологическое развитие двух братских социалистических литератур. «Сравнительное изучение взаимоотношений между братскими литературами,— справедливо пишет Стойко Божков,— дает возможность раскрыть с наибольшей полнотой закономерности и разнообразие в литературах социалистического реализма».

Советские и болгарские ученые тщательно изучают родственные процессы в истории зарождения советской и революционной болгарской литератур. Здесь на первый план выдвигаются такие проблемы, как общность революционной атмосферы, героико-романтических настроений в братских странах, проблемы изображения стихийности и революционной сознательности народных масс, духовного роста нового человека, взаимоотношений человека и общества, личности и истории.

В докладе С. Божкова и Х. Дудевского на VI конгрессе славистов в Праге (1968) о некоторых типологических и контактных особенностях во взаимоотношениях между бол-

гарской и советской литературами очень убедительно критикуются те исследователи, которые утверждают, что критический реализм в Болгарии после Октября стал деградировать, вырождаться в натурализм, в бытописание. Авторы ссылаются при этом на значительные произведения таких крупных реалистов, как Елин Пелин, Л. Стоянов, А. Каралийчев, К. Петканов, Е. Багряна, Д. Димов, Е. Станев, С. Ц. Даскалов и другие, которые впоследствии стали художниками социалистического реализма. Именно широта художественных горизонтов, социалистический гуманизм, демократизм и народность помогли им обрести новые пути в искусстве.

Проблемы зарождения пролетарской, социалистической литературы в Болгарии ставили в своих докладах на VI международном конгрессе славистов не только С. Божков и Х. Дудевски, но и В. Колевски, П. Зарев, С. Каракоств, Е. Даскалова. Используя большой историко-литературный материал, болгарские литературоведы широко освещают процессы формирования новой литературы, идейно-эстетические принципы, на которых она зиждется. Многочисленные факты, приводимые нашими коллегами, показывают, каким плодотворным и перспективным было влияние Горького и Маяковского, других выдающихся советских писателей на становление литературы социалистического реализма в Болгарии.

Пантелей Зарев, например, сопоставлял развитие болгарской и советской литератур 20-х годов, очень верно подмечает, что советская литература того времени помогла не только формированию новой литературы в Болгарии, но и оказывала активное воздействие на развитие общества, на развертывание классовой борьбы в стране. Говоря о литературных влияниях, П. Зарев особо останавливается на роли «Кузницы» в развитии болгарской революционной поэзии и группы «Серрапионовы братья» — в развитии революционной прозы. Правда, следовало бы, по моему, уделить внимание и некоторым отрицательным сторонам в деятельности этих литературных группировок.

В интересном докладе В. Колевского «Советская литература и развитие социалистического реализма в болгарской литературе» многогранно раскрывается исторический процесс становления и развития социалистического реализма в болгарской литературе, показана роль советской литературы в этом процессе.

В некоторых работах наших болгарских друзей встречается и несколько облегченный подход к вопросу о зарождении социалистического реализма в болгарской литературе.

Известно, что новый творческий метод не является чем-то заранее данным, до конца определившимся и оформившимся, нуждающимся только в усвоении и овладении. Социалистический реализм, имеющий общие, типологические черты, по-своему складывается в национальных литературах, в творчестве отдельных писателей. Причем это процесс всегда сложный и длительный. Поэтому подходить к его изучению нужно серьезно, опираясь на конкретный материал.

Отдельные недостатки, разумеется, не могут умалить все то значительное и большое, что сделано советскими и болгарскими литературоведами в типологическом изучении двух братских литератур. Можно назвать десятки работ, в которых на высоком методологическом уровне,

без упрощений, решаются многие сложные проблемы, освещающие исторические пути развития советской и болгарской литературы.

Например, Д. Маркову удалось в своих исследованиях выявить определенные закономерности, сближающие в типологическом аспекте советскую и болгарскую литературы. На анализе историко-литературного материала он показал, что развитие двух родственных литератур шло от жанров поэтических к прозе, от героико-романтического воспевания революции и свободы к психологизму, к раскрытию внутреннего духовного мира человека.

Отмечая жанровое родство, например, творчества Маяковского и Смирненского, Д. Бедного и Полянова. Д. Марков не без основания пишет: «Указанное жанровое родство в творчестве поэтов разных стран возникло, как правило, вне всякой литературной связи и влияний. Оно объясняется сходством исторической обстановки и задач, которые ставили перед собой поэты»¹. Во многом общим был и подход к изображению новых людей, рожденных революционной эпохой. Все это очень наглядно и убедительно показано исследователем на примерах советской, болгарской, чешской, польской литератур.

Анализируя процессы в советской и болгарской литературах 20-х и 30-х годов, Д. Марков четко определяет черты и особенности, характеризующие развитие этих литератур на разных исторических этапах. Он видит разницу не только в решении актуальных проблем времени в тематике, но и в поэтике, в эстетическом освоении ими действительности. В творчестве болгарских поэтов 30-х годов М. Исаева, Х. Радевского, Н. Вапцарова он выявляет и то, что сближает их с Х. Смирненским, традиции которого в поэзии они продолжили, и то, в чем они были новаторами. Он обращает внимание на более углубляющееся у этих поэтов видение мира, человека в истории, на стремление их раскрывать героическое в обыденном, нравственные истоки подвига.

Большим достижением советских и болгарских литературоведов является то, что они сумели в своих трудах показать, как в сходных исторических условиях, после победы Сентябрьской революции в Болгарии, возникает и международная литературная общность, как единая, постоянно изменяющаяся концепция мира и человека предопределила типологическое развитие обеих литератур, их движение по пути социалистического реализма.

Большой научный интерес представляет современный этап советской и болгарской литератур. Общие закономерности их развития требуют и коллективных усилий для их постижения. Более углубленный социальный анализ явлений социалистической действительности, раскрытие нового характера конфликтов, повышенный интерес к нравственным проблемам, это — то, что сейчас, как никогда, сближает наши литературы и дает материал для исследований.

В Чехословакии наметился свой аспект в изучении советской литературы. Интересы литературоведов привлекают здесь главным образом 20-е годы — период зарождения и становления советской литературы и процессы, происходящие в ней ныне. (Значительно меньше изучаются такие важные периоды в истории нашей литературы, как 30-е годы, период

¹ Сб. Октомври и развитието на българската литература, стр. 31.

Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие).

В Чехословакии изучение советской литературы имеет свои славные традиции. Из книг, посвященных литературе и творчеству писателей первого в мире социалистического государства, можно составить целую библиотеку. Изданные на чешском, словацком и русском языках они рисуют сложный путь, по которому двигалось развитие социалистического искусства в Советском Союзе. В этом смысле работы многих чехословацких литературоведов разных поколений заслуживают серьезного внимания.

В плодотворное изучение советской литературы большой вклад внесли чехословацкие ученые старшего поколения — З. Неedly, Б. Вацлавек, И. Ирасек, Б. Матезиус и другие. Их традиции были продолжены в ЧССР славистами, воспитанными в последние десятилетия.

Однако в конце 60-х годов под влиянием известных политических событий в республике наметилась недооценка социального, классового подхода в изучении советской литературы. Это не могло не привести к смещению в литературоведении объективных, научных критериев в сторону субъективизма и нарушений исторической правды.

Раздавались иногда высказывания, и прямо враждебные Советскому Союзу, советской литературе, искажающие ее историю, зачеркивающие ее достижения и ее творческий метод — социалистический реализм.

Для многих литературоведов Чехословакии, довольно энергично изучающих советскую литературу, в эти годы кризиса стала характерной некоторая односторонность в оценке отдельных периодов в истории нашей литературы, творчества, скажем, Горького, Маяковского, Шолохова, ряда современных писателей. Бросается в глаза и стремление некоторых чехословацких литературоведов противопоставлять главной линии развития советской литературы творчество тех писателей, которые по разным причинам не занимали ведущего места в истории нашей литературы. Нередко такие понятия, как социалистический реализм, партийность, даже просто социальный, классовый подход к литературе, весьма упорно игнорировались. Эстетический анализ художественных произведений зачастую отторгался от идейного содержания этих произведений. Наблюдалось «зангрывание» с формализмом и структурализмом.

Осенью 1967 г. на конференции в г. Иена (ГДР), посвященной 50-летию советской литературы, мне пришлось участвовать в горячих дискуссиях с чехословацкими литературоведами. В выступлениях М. Вагнера, Я. Буриана, М. Ботуры, М. Микулашека, М. Заградки наряду с бесспорно интересными наблюдениями и мыслями о развитии советской литературы на разных этапах содержались и некоторые одно-

сторонние, ошибочные оценки литературного процесса 20-х и 30-х годов, сущности социалистического гуманизма, сатирического жанра, конфликта в советской драматургии. Например, М. Вагнер, говоря о проблемах советской литературы 30-х годов, настойчиво утверждал, что без творчества, скажем, М. Булгакова, ставшего, кстати, широко известным только сейчас, нельзя ничего понять в литературном процессе того времени. Развитие советской литературы предвоенного десятилетия определяли, по его мнению, «не традиционные имена писателей», а другие художники, например Бабель, Зощенко, Платонов, Булгаков.

Стремление М. Вагнера противопоставить названных им писателей главной линии развития советской литературы, связанной прежде всего с такими «традиционными» писателями, как, например, Горький, Шолохов, Фадеев, А. Толстой, Погодин, Вишневский, мало вяжется с исторической правдой. Разумеется, нельзя умалять значения Булгакова, Зощенко, Платонова, Бабеля, прочно занявших свое место в истории советской литературы, но ведь известно, что не эти писатели «задавали тон» в литературе 30-х годов. Зачем же «ретроспективно» «выправлять» историю?

В докладе М. Микулашека «Комедии Маяковского и некоторые тенденции развития западноевропейской драматургии» социалистический реализм трактовался так расширительно и неопределенно, что в него входили буквально все литературные направления, все «измы», а Маяковский прочно связывался с авангардизмом. Его комедии «Клоп» и «Баня» невольно приобретали извращенный характер¹.

Интересными раздумьями о творческом развитии Горького, о его движении к «реализму нового типа» отличается, скажем, статья Р. Паролека «К характеристике творчества Максима Горького» («Impuls», 1968, с. 3). Его анализ ряда горьковских произведений, в особенности автобиографической трилогии, не может не вызвать сочувствия и одобрения. Однако автор почему-то стыдливо обошел вопрос о становлении социалистического реализма в творчестве писателя. Новый творческий метод называется им то «реализмом нового типа», то «социально-синтетическим реализмом», но ни в коем случае своим собственным именем.

При всей односторонности статей М. Ботуры, И. Гонзика, Р. Паролека, появившихся в дни 100-летнего юбилея А. М.

¹ К сожалению, М. Микулашек в этом докладе отошел от своих прежних позиций в оценке комедий Маяковского. В его обстоятельной и интересной монографии «Пути развития советской комедии 1925—1934 годов», изданной в Праге в 1962 г., сатирические комедии «Клоп» и «Баня» рассматриваются конкретно-исторически, в органической связи с развитием советской литературы 20-х годов, с полным пониманием их идейно-художественных особенностей.

Горького, мы все же находим в них немало заслуживающих внимания мыслей и наблюдений о творчестве великого писателя.

Статьи же М. Дрозды «Босьяк и памятник» («Пламен», 1968, № 3) и «Горький и русский вопрос» («Гост до дому», 1968, № 3), приуроченные к юбилею, извращают подлинный облик Горького.

В своем докладе на VI конгрессе славистов в Праге «Модернизм, авангардизм и А. М. Горький» М. Дрозда пытался «доказать» органическую близость пролетарского писателя к модернизму и тяготение его к авангардизму. «Для поколения Горького и модернистов,— писал он,— характерна дуалистическая концепция человека и мира, их разъединения. Активность личности понимается тут не как существенная закономерность действительности, а как преодоление ее. Здесь явно извращается горьковское творчество. Разве докладчик не знает, что у Горького была строго продуманная и целостная концепция мира и человека, ничего общего не имеющая с пониманием мира и человека у модернистов? Ведь горьковский человек является частью мира, мира социального, а не антропологического, в процессе познания которого он стремится его и перестроить на революционных началах. Именно в этом проявляется и активность, и революционность горьковского человека.

М. Дрозда, увлеченный абстрактными и умозрительными схемами, проглядел подлинные особенности горьковского человека, непрерывно духовно растущего и постоянно стремящегося к гармонии и цельности. Достаточно внимательно вчитаться в Горького, чтобы это стало бесспорным, очевидным для любого непредубежденного и объективного читателя.

В свое время (1964 г.) заметным явлением стала книга Зденеке Матхаузера о Маяковском. Широкий охват историко-литературного материала, проникновение в специфику поэтического слова дали возможность автору показать место поэта в истории советской и мировой литературы, выявить особенности эпохи, в которую он жил и творил. Но уже в этой книге проявились тенденции приобщения поэзии Маяковского, в особенности раннего периода, к «модели» авангардизма, тенденции противопоставления ее всей советской поэзии 20-х годов.

Из крупных советских писателей в Чехословакии большой интерес вызывает творчество М. Шолохова. Произведения писателя, благодаря великолепным переводам Богумила Матезиуса, стали широко известны там еще в довоенные годы. После 1945 г. Шолохов — один из самых популярных советских писателей, книги которого переводятся и издаются массовыми тиражами.

Серьезное и всестороннее изучение творчества М. Шоло-

хова началось в Чехословакии только в последнее десятилетие. Написано множество книг, статей и рецензий, в которых дается оценка шолоховских рассказов и романов. В монографиях А. Вацлавика, И. Франека, И. Волощука рассматриваются проблемы творчества Шолохова в органической связи с современностью, с особенностями его художественного метода, на фоне исторического развития советской литературы.

На международном симпозиуме в Лейпциге (1965 г.), посвященном 60-летию М. Шолохова, чехословацкие литературоведы Иржи Ф. Франек, Антонин Вацлавик, Мирослав Заградка и Ярослав Буриан выступили с концептуальными докладами, вызвавшими известный интерес.

В большом докладе А. Вацлавика речь шла о концепции действительности в произведениях Шолохова, о художественном своеобразии и актуальности его творчества. М. Заградка и Я. Буриан посвятили свои доклады проблемам мастерства Шолохова и влияния его произведений на формирование и развитие социалистической литературы в Чехословакии. Особое внимание уделили докладчики вопросам становления нового человека, решительно перестраивающего мир, во многих произведениях писателя.

Возражения вызвал на симпозиуме доклад И. Франека «О поэтике Шолохова. Ее расхождение и совпадение с модернистскими течениями». Уже в самом названии его заложен полемический заряд.

Буквально с первой же фразы своего сообщения Франек сокрушается, что советская литература где-то в 30-х годах перестала быть модернистской и в силу этого серьезно отстала от литературы Запада. Развитие советской литературы по немодернистскому пути представляется ему явлением сложным, требующим глубокого исследования.

Иржи Франек ошибочно считает, что метод реалистического, или традиционалистского, искусства зачастую уже не способен постичь специфический ритм нового времени. Напротив, авангардистские методы, непосредственно связанные с процессами брожения нашей современности, могут охватить мир во всей его целостности. Поэтому и в Шолохове он хочет видеть прежде всего авангардиста, а потом уже художника, отдающего известную дань традиционализму. В особенности в романах «Тихий Дон» и в первой части «Поднятой целины».

Франек избрал схему, не совместимую с реальным Шолоховым. Как же выглядит по этой схеме творческий путь одного из старейших советских писателей? Очень просто. Шолохов автор «Донских рассказов» (1923—1924 гг.) — модернист, поклонник нового стиля, якобы ничего общего не имеющий с реалистическими традициями русской литературы. Создав роман-эпопею «Тихий Дон» и первую часть «Поднятой целины», Шолохов, мол, порывает с модернизмом, с авангардизмом и становится временно «традиционалистом». Этим он как бы утрачивает свою привлекательность для западных читателей на несколько десятилетий и приобретает ее только в середине 50-х годов, после публикации своего известного рассказа «Судьба человека» и второй части «Поднятой целины».

По словам Франека, понадобились долгие годы и даже десятилетия, чтобы Шолохов наконец-то «обрел самого себя». С этого времени «декларативный» героизм воплощается у него в буднях, в повседневных делах людей. Однако, мол, в необычной, модернистской художественной форме.

Попытки противопоставления и сталкивания одних шолоховских произведений с другими со всей очевидностью обнажают шаткость и уязвимость «методологии» Франека, взявшегося «по-новому» прочесть и истолковать творчество писателя.

Свидетельствуют ли все эти пассажи о глубоком понимании Иржи Франеком новаторской сути шолоховского творчества? Думается, что чехословацкий литературовед принес в жертву своей сенсационной «концепции» историческую правду, подлинный смысл творчества художника, органически связанного с жизнью своей страны, с творческим методом своей литературы.

Кроме творчества М. Шолохова, в орбиту внимания чехословацких славистов попадает и творчество К. Федина, Л. Леонова, И. Бабеля, Н. Островского, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, М. Кольцова и многих других советских писателей¹, не только русских, но и украинских, белорусских. И в отдельных работах, и в статьях, посвященных творчеству советских писателей, дается, как правило, объективный анализ их сильных и слабых сторон. Имеется попытка связать их творчество с современным литературным процессом в развитии советской литературы. Привлекается довольно широкий круг произведений, литературно-критических и архивных материалов. Но вместе с тем и в отборе писательских имен, и в трактовке их творчества, и в определении их места в советской литературе наблюдается нередко (в особенности с середины 60-х годов) некоторая односторонность и методологическая нечеткость, неясность. Если, например, в ряде работ 50-х и начала 60-х годов советская литература в целом и творчество отдельных писателей рассматриваются в основном с идейно-эстетических позиций, то впоследствии все больше и больше отбрасываются социальные, классовые критерии и литературные явления исследуются сами по себе, в отрыве от социально-исторических условий, породивших их, от их идейного содержания. Увлечение «чистой» формой произведений неизбежно ведет к формализму и эстетству, к необъективной переоценке многих литературных ценностей. Все это с особой наглядностью отразилось, как в зеркале, в «Словаре писателей народов СССР», изданном в 1966 г.

Бесспорное достоинство словаря заключается в том, что он охватывает буквально писателей всех национальных литератур, составляющих единую советскую литературу. обстоятельные, хотя и краткие, характеристики творчества писателей, библиографические указатели по каждой национальной литературе и каждому писателю дают представление о богатстве и многообразии многонациональной советской литературы.

Однако в оценке творчества таких писателей, как Б. Пильняк, Б. Пастернак, М. Булгаков, чувствуется явная тенденциозность, нежелание видеть то, что порою уведило их от магистрального пути в развитии советской литературы.

Односторонней выглядит в «Словаре» и характеристика некоторых литературных организаций 20-х годов. Скажем, РАПП, созданная как организация пролетарских писателей и имевшая не только серьезные недостатки, но и положительные качества, представляется главным образом в негативном плане. Зато в деятельности группы «Серрапионовы братья» подчеркиваются только позитивные стороны.

Социальные, идейно-эстетические критерии и оценки игнорируются в предисловии Эд. Матхаузера к книге «Марина Цветаева, Письма к Анне Тесковой», изданной Чехословацкой Академией наук в 1969 г. Автор предисловия, названного «Катарсис Марины Цветаевой», очень туманно говорит о ее рационалистическом стремлении к наибольшему приближению к абсолюту, о преклонении ее перед «демонической» концепцией искусства и т. д. И все это вместо объяснения ее сложного отно-

¹ Имеются в виду книги о Федине — М. Заградки, о Леонове — Я. Вострого, о Бабеле — А. Вацлавика, об Островском — Б. Догнала, об Ильфе и Петрове, Зощенко, Кольцове — М. Храла и др.

шения к событиям века, особенностей ее поэзии, вместо раскрытия ее антифашистских настроений, ярко выраженных в письмах 30-х годов. Некоторые факты из биографии М. Цветаевой Матхаузером названы, но не объяснены, не раскрыты.

В настоящее время благодаря упрочению позиций социализма в ЧССР здесь намечаются серьезные сдвиги и в славистике, сдвиги по преодолению былых ошибок и заблуждений в изучении советской литературы. Выступления в печати в 1970—1971 гг. Л. Штоллы, И. Гаека, М. Заградки и других свидетельствуют об этом¹.

Не имея возможности из-за объема книги столь же подробно и обстоятельно говорить об изучении советской литературы в других европейских социалистических странах, отметим, что и в Польше, и в Венгрии, и в Румынии, и в Югославии появилось немало работ о советской литературе, в которых на большом и интересном материале решаются многие ее проблемы. Серьезная популяризация советской литературы сочетается здесь со все более глубоким ее изучением. Так, например, в Польше несколько лет назад появились две книги Я. Урбанской: «Русский советский роман в Польше в 1918—1932 гг.» и «Русский советский роман в Польше в 1933—1939 гг.», в которых освещается не только основная проблематика советского романа 20-х—30-х годов (народ и революция, революция и интеллигенция, нравственно-бытовые, историко-биографические проблемы), но и формы, этапы восприятия его и творчества отдельных советских писателей в Польше вплоть до второй мировой войны.

Большой интерес читателей вызвала и издавшая в Польше «Антология советской поэзии», охватывающая произведения поэтов разных поколений от 20-х годов до наших дней. В газетах регулярно появляются рецензии на книги советских литераторов.

В Венгрии в последнее десятилетие появились: «Антология русского советского рассказа 20-х годов» (составитель М. Варга, 1969), сборник статей о советских писателях — от Горького до Твардовского (вводная статья профессора Л. Кардоша, 1959), исследование об интерпретации советской литературы в Венгрии в 1919—1944 гг., сборник статей о современной советской литературе (1967); «Избранные работы по эстетике» А. Луначарского и др.

Постоянно издаются здесь советские авторы, книги Фурманова, Шолохова, Паустовского. Большой интерес проявляют наши венгерские друзья к литературам народов СССР. В стране издан сборник произведений многонациональной советской литературы, сборник автобиографий советских писателей.

¹ Речь идет о статьях Л. Штоллы «К вопросу о критериях современности и прогрессивности в искусстве» (*Твогба*, 1970, № 50—51); М. Заградки «Историческая закономерность принципов социалистического реализма» (*Rude Pravo* 1971, № 102 и 156) и др.

В Румынии широкую известность получили выступления о советской литературе Т. Никулеску. Ей принадлежат статьи о творчестве ряда советских писателей, предисловия к сборникам наших литераторов, книга «Современные советские прозаики» — о творчестве Ч. Айтматова, С. Антонова, Г. Бакланова, В. Тендрякова, Г. Николаевой и других. Она же является составителем, автором предисловия и части переводов двухтомной «Антологии советской современной новеллы». В стране осуществлено издание 30-томного собрания сочинений М. Горького и других книг. Всего только за 1970 г. выпущено около 30 книг советских авторов.

Много книг и статей о советской литературе появилось в Югославии. Здесь не только широко издаются произведения советских писателей, но и обобщается опыт нашей литературы. Издавая документы по истории советской литературы, югославский ученый А. Флакер, хотя и с известными издержками, стремится пропагандировать опыт литературы, завоевавшей признание во всем мире. В Югославии активно работают переводчики с русского и других языков СССР, поэтому там закономерно растет интерес к советской школе перевода, к ее успехам и теории.

В ближайшие годы мы, очевидно, станем свидетелями нового этапа в изучении советской литературы в социалистических странах, ибо интерес к ней все больше возрастает. Кроме того, расширяется круг специалистов, систематически и серьезно занимающихся ее основными проблемами.

Более или менее подробный анализ работ, историко-литературных концепций и тенденций, существующих в современном литературоведении социалистических стран, изучающем советскую литературу, подтверждает важность и необходимость контактов и взаимодействия советских ученых со своими зарубежными коллегами. Решение больших и сложных научных задач требует общих, объединенных усилий в выработке верных методологических принципов в многоплановом изучении советской литературы, ее прошлого и настоящего.

У литературоведов социалистических стран общая цель — глубоко и многогранно познать эстетические богатства литературы, открывшей новый этап в художественном развитии всего человечества.

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ «СОВЕТОЛОГИИ»

В статье «Марксизм и ревизионизм» В. И. Ленин ссылается на знаменитое изречение, которое гласит, что если бы геометрические аксомы задевали интересы людей, то они опровер-

гались бы¹. Стоит ли удивляться тому, что советская литература, отражающая кровные интересы народных масс, вот уже на протяжении полувека подвергается суровым атакам со стороны наших идейных противников? В самом ее существовании видят они угрозу, серьезную опасность для своей литературы, для своего «образа жизни». Однако советская литература не только существует, но и активно борется, активно наступает на силы отживающего мира. Этим и объясняется та ярость и ожесточение, с которыми идеологи империализма и их пособники нападали и нападают на искусство социалистического реализма.

Приверженность империалистической политике, разжигающей в наши дни захватнические войны в Индокитае, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, заставляет советологов всех мастей активно поддерживать разбойничьи акции Пентагона и раздувать антисоветскую истерию. Этим целям служат и их постоянные нападки на советскую культуру.

Необъективность, предвзятость неизбежно накладывают свою губительную печать на многие «исследования» по советской литературе, появляющиеся в США, ФРГ и в других странах капиталистического мира. Нежелание глубоко и честно разобраться в сложных явлениях литературы, рожденной революционной эпохой, постоянно толкает наших идейных противников на путь конструирования таких историко-литературных и теоретических «концепций», в которых не остается места ни исторической правде, ни научности, ни простой человеческой логике.

Среди людей, занимающихся изучением советской культуры, литературы и искусства за рубежом, встречаются не только «специалисты», подчиняющие свои научные интересы империалистическим, реакционным целям, но и настоящие ученые, писатели, публицисты, глубоко понимающие новаторскую сущность советской культуры, искренне радующиеся ее успехам. Причем это не обязательно коммунисты, а просто честные и благородные люди, которым приходится жить, работать, бороться в обстановке презрительного недоброжелательства и преследований со стороны официальных идеологов, в условиях зловещего замалчивания их книг и статей.

Имена многих из них хорошо известны в нашей стране. Это американцы — Сидни Финкелстайн, автор книги «Реализм в искусстве» и «Экзистенциализм в американской литературе», профессоры Норман Рудич и Гейлорд Лерой, писатель Филипп Боноски, англичане — писатели Джеймс Олдридж, Джон Линдсей, публицисты — Деннис Огден и Чарльз Симмондс, французы — ученый Жан Перюс, писатели — Андре Стиль и Андре Вюрмсер. Это многие другие

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 17.

видные ученые и литераторы, живущие в разных странах капиталистического мира и нередко подвергающиеся гонениям за свои симпатии к советской литературе.

Перу известных славистов принадлежит немало ценных работ по советской литературе. Только к 100-летию юбилею А. М. Горького появились в ряде стран содержательные и интересные, хотя во многом и спорные, нуждающиеся в критическом разборе, исследования, публицистические статьи, эссе о творчестве основоположника социалистического реализма. Зарубежному читателю стали известны книги И. Уайла «Горький. Его литературное развитие и влияние на советскую интеллектуальную жизнь» (Нью-Йорк, 1966), Ф.-М. Барраса «Максим Горький. Писатель» (Оксфорд, 1967), Жана Перюса «Ромен Роллан и Максим Горький» (Париж, 1968)¹ и др. В начале 70-х годов вышли в свет книги Итомиско Иакадзима «Горький — драматург» и Хатсуо Исихара «Романы Горького» (Япония), Т. Брэдли «Бунин и Горький» (США), в которых объективно исследуется творчество великого писателя.

Наши прогрессивные зарубежные коллеги посвящают много статей и книг проблемам социалистического реализма, современной советской литературе, творчеству советских писателей. По их инициативе переводятся лучшие произведения советской литературы, издаются антологии, читаются публичные лекции, организуются литературные вечера.

Но если прогрессивные писатели и ученые в капиталистических странах действуют зачастую разобщенно, в одиночку, то реакционные советологи пользуются там всемерной поддержкой крупных финансистов, правительств и всего государственного аппарата². В их распоряжении находятся крупнейшие научно-исследовательские учреждения, издательства, страницы влиятельнейших газет и журналов, различные объединения «любителей» советской литературы, кафедры университетов и колледжей.

В Отчетном докладе Центрального Комитета XXIV съезду КПСС подчеркивается, что в современном мире идет неухабная идеологическая борьба, «которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы». В этих целях всячески извращается и советская литература, ее идейно-эстетическая сущность. Совсем не случайно на авансцену антисоветизма наших дней выдвинулись реакционные элементы США и ФРГ.

¹ Подробный разбор этой книги см. в рецензии Н. Ржевской «Книга о Горьком и Роллане» («Иностранная литература», 1969, № 12).

² В США насчитывается до 11 тыс. различных фондов, поддерживающих и щедро финансирующих «исследования» в области советоведения. Наиболее известны фонды Рокфеллера, Форда, Карнеджи, Слоана и др.

В изучении советской литературы советологами в этих странах есть много общего. И те и другие служат империалистической реакции. Несмотря на неоднократные заявления о своей объективности и беспристрастности, отрешенности от политики, все они — от широко известного в США советолога Глеба Струве до малоприметного Германа Кармела, преподавателя Сиракузского университета, — подчиняют свои «исследования» реакционным политическим задачам. Еще совсем недавно советологи, скажем США, облекали свои «труды» по советской литературе в форму «антикоммунистических памфлетов со сносками и библиографией» (по словам английского историка-марксиста Э. Хобсбона)¹, а западногерманские «специалисты» выступали открыто, не маскируя своих подлинных политических устремлений. Сейчас же советология этих стран сменила свою тактику, стала более «гибкой», «эластичной». На первый план выдвигаются «теории» «культурной конвергенции», так называемой единой мировой культуры, «объективности» и «широты» в распространении «массовой культуры» и т. п.

Односторонность и предвзятость в изучении советской литературы характерны не только для советологии США и ФРГ (где все это выступает в «классическом» виде), но и для реакционной советологии других капиталистических стран. Правда, здесь реже, чем в Америке и Западной Германии, появляются фундаментальные книги, исследования о советской литературе. Зато в многочисленных статьях, публикуемых в Англии, во Франции, в Италии, ощущаются те же «концепции», взгляды, положения, хорошо нам известные по «трудам» американских и западногерманских советологов.

Наши идейные противники меньше всего заботятся об исторической правде, о научной объективности и действуют так, как об этом в свое время писал Энгельс, что если на горизонте восходит, как утренняя заря, новая, настоящая истина, тогда дети ночи хорошо знают, что их царству грозит гибель, и хватаются за оружие. Этим оружием, как правило, являются искажение истины, необъективность, предвзятость, фальсификация.

Против советского литературоведения «дети ночи» ведут борьбу по основным методологическим вопросам: революция и литература, роль революционной действительности, Ленина и ленинизма в судьбах литературы социалистического реализма, концепция мира и человека, положительного героя в советской литературе, познавательная и воспитательная роль литературы, идейность и художественность искусства, оценка отдельных этапов и творчества ведущих писателей и т. п.

¹ См. Б. И. Марушкин, История и политика, М., «Наука», 1969, стр. 57.

Рассмотрим последовательно постановку и «решение» этих проблем в зарубежной советологии наших дней.

Советская литература завоевала признание во всем мире не только новизной своей тематики, но прежде всего глубиной художественного и эстетического раскрытия исторических событий, изменивших облик всего мира, событий, породивших новые отношения между странами и народами, новых людей. Эстетическое новаторство советской литературы проявилось в том, что она сумела, преодолев хаотическое состояние мира, изобразить его со всеми революционными преобразованиями, воссоздать образ нового человека, с совершенно новым строем мыслей и чувств, человека активного, действенного, осознающего свое место в истории.

Настойчивое стремление принизить эстетическую ценность советской литературы, во что бы то ни стало «развенчать» ее художественные достоинства заставляет Г. Струве и его единомышленников вести безуспешные атаки против нее¹. В ход пускаются обычно бездоказательные и беспартийные заявления о «слабости» и «беспомощности», о «единообразии» и «утилитарности» советской литературы.

Сейчас, когда советская литература широко распространяется во всем мире, уже трудно кого-либо убедить, что она не является полноценным искусством. Поэтому эпицентр критики переносится в другие сферы: делаются попытки «разделять и властвовать». Дескать, не вся советская литература лишена эстетических достоинств. Есть в ней и выдающиеся художественные произведения. Но они возникли вопреки условиям советской жизни, вопреки революции и идеям социализма.

Искусство и революция, по мнению реакционных советологов, несовместимы. Эстетическое только тогда проявляется в искусстве, когда оно независимо от социальных бурь и потрясений.

Социальные, философские и всякие иные проблемы, мол, противопоказаны настоящему искусству. Таким образом они отрицают искусство и литературу как могучее средство познания и преобразования действительности.

Почти в каждой работе зарубежных советологов на первый план выдвигается «сверхзадача» — показать пагубное влияние революции, социалистических идей на литературу. Оксфордский симпозиум в начале 60-х годов, в котором участвовали известные современные советологи — Г. Струве, Э. Мучник, Э. Браун, Э. Симмонс, Дж. Гибиан, У. Викери, М. Хэйуорд и другие, в этом смысле очень показателен. Все

¹ Обстоятельную критику американских советологов по этому вопросу см. в статье Л. И. Тимофеева, опубликованную в сб. «Против буржуазных концепций и ревизионизма в зарубежном литературоведении». М., Гослитиздат, 1959, стр. 125—144.

доклады и выступления сводились к тому, что «контроль» в СССР на протяжении многих десятилетий лишает литературу жизненных соков, превращает ее в «верную служанку новому режиму». Поэтому всячески «развенчиваются» писатели, воспевавшие революцию, и превозносятся писатели-эмигранты.

Свою лепту в «решение» проблемы «Литература и революция», причем в определенном, сугубо тенденциозном, антисоветском плане, внесли буквально все видные советологи капиталистического мира.

Например, Юрген Рюле из ФРГ в своих книгах «Литература и революция» и «Театр и революция» задался целью раскрыть «пагубное» влияние революции, идей коммунизма на искусство и литературу.

Октябрьскую революцию Ю. Рюле воспринимает как обычный государственный переворот, насильственный захват власти, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Корнем «всех зол и бед» западногерманский советолог считает партийность, «продиктованную Лениным» и якобы «навязанную советским писателям». Он не дает себе труда не только проанализировать, но даже упомянуть ленинские документы, проникнутые заботой о судьбах социалистической культуры (письмо о Пролеткульте, постановление о монументальной пропаганде, поддержка Горького, Серафимовича, Демьяна Бедного).

Юрген Рюле пытается доказать «сенсационный тезис», что, мол, марксизм не имеет ничего общего с ленинизмом, с большевизмом, которые в отличие от первого представляют собой всего лишь чисто русское явление. Поэтому и в области искусства ленинизм продолжает линию русских революционных демократов, а не марксизма.

Маркс и Энгельс, по словам Рюле, никогда не ставили литературу в зависимость от «политики партии». Ничего подобного они, мол, и не представляли себе. Совершенно очевидно, что Рюле плохо знаком с марксистской теорией классовой тенденциозности и партийности искусства.

Западногерманский советолог стремится изобразить как насилие над волей писателя и взаимоотношения между Лениным и Горьким, которые порой осложнялись, но всегда были искренними, честными и плодотворными.

Вопрос о взаимоотношениях Ленина и Горького занимает не только Юргена Рюле, но и многих других зарубежных советологов. Своеобразно отметив горьковский 100-летний юбилей, они с неменьшей энергией готовились и к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Сложные проблемы, связанные с влиянием ленинских идей на формирование и развитие нового революционного искусства, реакционные идеологи на каждом шагу упрощали,

сводили к примитивным и весьма тенденциозным схемам и «концепциям». В книгах и статьях последних лет навязчиво утверждается, что советская литература всегда испытывала «гнет», что Союз писателей СССР диктует советским литераторам темы для творчества, что социализм якобы не способен создавать необходимые условия для плодотворного развития художественного творчества.

Многочисленные факты деятельности партии, Ленина в первые годы Советской власти по созданию социалистической культуры, отношение к классическому наследию, к творчеству революционных писателей и художников, забота ленинской партии на всех исторических этапах с развитием искусства социалистического реализма начисто перечеркивают недобросовестные, сугубо тенденциозные вымыслы реакционных «советологов».

В ФРГ, так же, как и во всем капиталистическом мире, в 1969—1970 гг. развернулась своеобразная «подготовка» к 100-летию юбилею В. И. Ленина. В эти годы реакционные элементы в боннской республике делали все, чтобы скомпрометировать великую дату, чтобы принизить значение ленинизма, животворную силу его идей. Для этого использовались радио, телевидение, публицистика, литературная критика, искусство.

В последнее время в ФРГ стало модным прославлять троцкизм. В мюнхенском журнале «Монат», довольно редко публикующем литературоведческие статьи, накануне ленинского юбилея появилась даже большая статья Иоста Нольте «Троцкий и литература».

В пропаганде троцкизма западногерманские идеологи смыкаются с некоторыми американскими «новыми левыми», взявшими на вооружение теории Г. Маркузе, Н. Мейлера и С. Зонтаг, Дж. Ньюфилда и П. Гудмена. При всей разношерстности «новых левых», среди которых есть немало революционно настроенных людей, их главные идеологи пригоршнями черпают свою «премудрость» не только из наследия Троцкого, но и из цитат «великого кормчего» — Мао-Цзэ-дуна.

Герберт Маркузе в своих книгах «Советский марксизм» (1958) и «Одномерный человек» (1964) резко критикует советскую литературу и искусство за утверждение принципов социалистического общества, за верность ленинизму. Он считает, что истинное искусство должно быть всегда в оппозиции к обществу, «протестом против того, что есть». Согласно его концепции, утрата оппозиционного элемента привела современную культуру к «одномерности», к исчезновению «антагонизма» между культурой и социальной реальностью, а став «одномерной», современная культура «служит инструментом социальной связности». Не трудно заметить, что про-

поведь Г. Маркузе о необходимости оппозиционного искусства в любом обществе, в том числе и в социалистическом, перекликается с «теориями» американских и западногерманских идеологов антикоммунизма.

В области эстетики «новые левые» типа Н. Мейлера, С. Зонтаг и других выступают против идей в искусстве, за стихийную спонтанность чувств и инстинктов, за «святость безумия». «Основной единицей для современного искусства является не идея, а анализ и распространение чувств», — пишет С. Зонтаг в своей книге «Против интерпретации». Увлечение фрейдизмом и экзистенциализмом, троцкизмом и анархизмом является отличительной чертой американских «новых левых». Все их «теоретические» постулаты примитивны, пронизаны сексом, враждебны подлинному искусству.

В современной идеологической борьбе, приобретающей все большее напряжение и остроту, по ту сторону баррикад заняли свое место оппортунисты и ревизионисты всех мастей. И те, которые прикрываются «левыми» фразами, троцкистскими лозунгами, и те, которые, сбросив маску, обнажили свою антикоммунистическую и антисоветскую суть. К последним принадлежат и Роже Гароди, объявивший в своей книге «Марксизм XX века» современную советскую литературу «провинциальной», «отсталой», и Эрнст Фишер, систематически «обличающий» искусство социалистического реализма, и Витторио Страда, обвиняющий советскую литературу в эстетической «деформации», а советских писателей в конформизме, и некоторые чехословацкие ревизионисты, предавшие интересы социализма¹.

В настоящее время правый ревизионизм, говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС, «под видом «улучшения» социализма стремится выхолостить революционную суть марксизма-ленинизма и расчищает путь для проникновения буржуазной идеологии»². Правые ревизионисты совершенно откровенно смыкаются с реакционной советологией, ставящей перед собой задачу борьбы с социалистическим искусством. Они давно уже стали открытыми пособниками советологов в их черном деле извращения и фальсификации советской литературы.

Оголтелый антисоветизм и антикоммунизм демонстрирует, например, современный маоистский Китай. Было время, когда в Китае широко распространялась и пропагандировалась советская литература, когда выходили книги о влия-

¹ Ревизионистская, антисоветская сущность «концепции» Гароди, Фишера, Страды и других раскрывается в работах Ю. Барабаша, А. Дымшица, В. Иванова, Е. Книпович, В. Ковалева, А. Метченко, Б. Сучкова, В. Щербины и других.

² Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 12.

нии Горького и Маяковского на революционную китайскую литературу. Сейчас же в результате так называемой великой пролетарской культурной революции, там сделано все, чтобы предать забвению классическую культуру прошлого вообще и советскую культуру в особенности. В маоистском Китае варварски уничтожаются книги советских писателей, преследуются те, кто смеет иметь о советской литературе свое мнение, отличное от официального.

Вместо изучения нашей литературы в Китае развернут в последние годы чудовищный поход против нее. На страницах центральной прессы появляются вульгаризаторские статьи, в которых шельмуется история советской литературы, лучшие произведения советских писателей. Не понимая специфики искусства, авторы этих статей низводят литературу к иллюстративной, служебной роли. И, разумеется, им не по вкусу ни гуманизм, ни психологизм, ни суровая правдивость произведений социалистического реализма.

Им ничего не стоит приписать, например, Горькому «буржуазный индивидуализм и национализм» и при этом сослаться на образ Данко; назвать Маяковского «певцом войны и ненависти», оклеветать лучших советских писателей. Еще несколько лет назад перед китайскими критиками была поставлена «стратегическая» задача «сильнее ударить» по ведущим советским писателям: «...не следует ограничиваться мелкой сошкой... надо ловить такие крупные фигуры, как Шолохов»¹. И совсем не удивительно, что известный шолоховский рассказ «Судьба человека», проникнутый пафосом гуманизма, был назван ими «черным знаменем современного ревизионизма в литературе и искусстве», а «Поднятая целина» — произведением, поддерживающим оппортунистический лозунг «врастания кулака в социализм». Здесь, как говорится, идти дальше некуда...

Об упражнении Линь Мо-ханя, Ли Хуэй-фаня, Е Шуй-фу, Е И-цуня и других «специалистов» по советской литературе, грубо искажающих облик Горького, Шолохова, Твардовского, Симонова, облик всей нашей литературы, писали уже многие критики и литературоведы². Писали горячо, страстно, аргументированно. Однако предстоит еще большая и серьезная работа по разоблачению научной несостоятельности, вульгаризаторства и невежества маоистских «теоретиков» в области литературоведения.

В США и ФРГ появился ряд специальных работ, искажающих и фальсифицирующих политику КПСС в области

¹ См. И. М. Надеев. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. М., «Наука», 1969, стр. 147.

² Статьи Б. Бялика, Т. Мотылевой, Б. Рюрикова, Е. Суркова и др.

литературы и искусства, историю взаимоотношений партии с писателями. Уже в известной статье В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», которую наши идейные противники трактуют как чисто полигический, не имеющий отношения к художественной литературе документ, они видят зародыш всех «злоклучений» и «бед», «сваливающихся» на советских писателей. Они рьяно выступают против партийности в литературе и искусстве.

Партийность в нашем понимании ничего общего не имеет с претенциозными и догматическими, в полном смысле этого слова, определениями и постулатами реакционных «советологов». Ведь партийность — это не только политическая, но и эстетическая категория. Она определяется не формальной принадлежностью художника к партии, а его идейно-эстетической позицией, его отношением к тому, что он изображает.

Партийность — понятие классовое. Есть не только пролетарская, коммунистическая партийность, но и буржуазная партийность, т. е. партийность, защищающая интересы господствующих классов в капиталистическом обществе. И «ниспровергатели» партийности советской литературы, нападая на принципы, завещанные нам Лениным, тем самым упорно защищают свои партийные принципы, принципы буржуазной партийности. Что же удивляться тому, что во всех «обличениях» советской литературы и советских писателей нет ни грана объективности. Они служат своим хозяевам и вынуждены, хотя бы они этого или нет, выполнять их волю, их заказы.

Они судорожно выискивают отдельные произведения советских писателей, в которых односторонне или же искаженно изображается советская действительность, пытаются делить писателей на группы и группочки, сталкивать их «лбами», чтобы доказать отсутствие идейно-эстетического единства в среде советских литераторов. Однако и здесь наших врагов ждут глубокие разочарования. Совсем недавно на весь мир прозвучали слова делегатов V съезда советских писателей, которые в своем письме ЦК КПСС дали достойный ответ тем, кто хотел бы расколоть ряды советской художественной интеллигенции. «...Пусть знают клеветники,— говорится в письме,— что все их попытки обречены на провал! Советские писатели выступают сплоченными рядами, они беззаветно преданы партии и народу. Все наше творчество неразрывно связано с великим делом строительства коммунизма». В этом же духе высказался и один из старейших советских писателей — К. Федин. На VIII встрече руководителей союзов писателей социалистических стран в 1971 г. он заявил: «Ленинские идеи воплощаются в достижениях наших народов и, как живые черты наших современников, стучатся

в сердце художника. Воссозданные литературой, эти черты становятся зримыми миру — в них заключена частица той притягательной мощи ленинских идей, которая ощущается повсеместно. Где бы ни жил сегодня писатель, если он честен перед своим талантом, если разделяет тревогу и надежды человечества, то он, вольно или невольно, прикосновенен к тем же благородным идеалам, которым служим мы. Да, служим, ибо только в этом высшем смысле мы пожизненно «ангажированы».

Ненависть к советской литературе доходит у советологов до предела, когда они пишут или говорят о **социалистическом реализме**, который воспринимается ими не как творческий метод, закономерно возникший в советской литературе, а как «продукт политики советской коммунистической партии» (Герман Ермолаев), как «инструмент воздействия на массы и психологического террора» (Юрген Рюле) и т. п.

Трудно найти работу, вышедшую из-под пера зарубежных советологов, в которой не предавался бы анафеме художественный метод советской литературы. В больших и в малых «исследованиях», даже в отдельных статьях, в словарях типа «Словаря русской литературы» Вильяма Гаркина социалистическому реализму уделяется больше чем достаточно внимания, но только лишь для того, чтобы «расправиться» с ним.

«Наши недруги,— справедливо писал Б. Рюриков,— стараются представить социалистический реализм как некую систему догматических запретов. Если послушать их, новому искусству запрещены: фантазия, эксперименты, интерес к внутренней жизни личности, признание роли интуиции, символический образ, мечтательность и т. д. и т. п.— трудно даже просто пересказать все те благоглупости, которые пишут и говорят о социалистическом реализме»¹. Между тем каждому непредубежденному зарубежному исследователю известно, что социалистическому реализму не противопоказаны любые формы эстетического освоения действительности, в том числе условность, фантастика, гротеск. Творческий метод советской литературы, вобравший в себя лучшие художественные достижения всех предшествующих методов и направлений, в новом качественном преломлении использует и пластичность в изображении событий и людей, и психологизм в раскрытии внутренней жизни личности, и различные формы, не всегда непосредственно связанные с «формами самой жизни».

А если говорить о свободе творческих исканий, экспериментирования, то ни один творческий метод не открывает художникам таких возможностей и перспектив, как социалистический реализм. Об этом свидетельствует богатейший художественный опыт советской литературы, опыт многих и разных художников социалистического реализма.

Отрицая закономерности развития литературы, историческую неизбежность смены одних методов и направлений другими и роль изменяющейся действительности в этом процессе, противники социалистического реализма обычно сводят его к каким-то застывшим догмам, безжизненным схемам и т. п. Для них не существует проблемы творческого метода в литературе, поскольку они трактуют его исключительно как субъективистский фактор в творчестве. Личность писателя — вот, по их мнению,

¹ Б. Рюриков. Социалистический реализм и его «ниспроверга-тели». — В сб. Технология неправды. М., «Художественная литература», 1968, стр. 26.

главный источник творчества. Что же касается действительности, питающей творчество настоящего художника, метода, позиции, мировоззрения, определяющих характер и направление его творчества, то все эти факторы отрицаются и отбрасываются ими начисто. Нет ничего удивительного в том, что и в понимании социалистического реализма в зарубежной советологии царят субъективизм, неопределенность, произвол. Их объединяет лишь ненависть, неприязнь к литературе, развивающейся под знаком этого творческого метода.

Стереотипные утверждения, вроде того, что социалистический реализм исходит не из реальной действительности, а из должностного и предписанного и что он требует изображать жизнь не такой, какова она есть, а такой, какой она должна быть, неизбежно извращают, искажают подлинный смысл творческого метода советской литературы. Ведь лучшие произведения типа «Тихого Дона», «Молодой гвардии», «Русского леса» выросли на почве реальной исторической действительности, отразили реальные, а не вымышленные драматические социальные события, жизненные конфликты. В этом их сила и непреходящее художественное значение.

Все это хорошо известно и нашим идейным противникам. И когда они обращаются к классическим произведениям советской литературы, которые противоречат их «концепциям» и схемам, их представлениям о социалистическом реализме, то им не остается ничего иного, как искать каких-то лазеек для объяснения всем очевидных фактов и явлений. Таким образом возникла еще лет десять назад «теория», кочующая по книгам зарубежных советологов, что, мол, лучшие произведения советской литературы созданы вопреки методу социалистического реализма и никакого отношения к нему не имеют. Э. Мучник в своей книге «От Горького до Пастернака. Шесть писателей в Советской России» (1961) пытается «доказать», что наиболее зрелые и значительные произведения Горького были написаны в старых реалистических традициях, что заслуга Шолохова — в передаче чувств романтически независимого индивидуума, что Маяковский наиболее значим в изображении своего собственного трагического «я».

Аналогичные мотивы, с небольшими вариациями, звучат и в «трудах» М. Слонима, Э. Брауна, Р. Мэтьюсона, Дж. Гиббана, Дж. Биллингтона.

Стоит обратиться к творчеству Горького, Маяковского и Шолохова, чтобы убедиться, насколько наши идейные противники далеки от истины. Ведь художественная палитра и возможности крупнейших советских писателей не исчерпываются какими-то однозначными приемами и средствами. Стилиевые особенности Горького многообразны и неисчерпаемы, как и сама изображаемая им действительность. Маяковский, кроме лирических произведений, создал эпические произведения, прославляющие революцию; Ленина, народ. А все богатство шолоховского творчества сводить только к передаче чувств романтически независимого индивидуума — значит ничего не понимать в характере советской литературы вообще и в драматической судьбе Григория Мелехова в особенности.

Для нынешнего этапа «разоблачения» творческого метода советской литературы характерны не столько брань и всевозможные ярлыки, как это было в 50-е годы, сколько стремление «теоретически», «научно» опрокинуть социалистический реализм. Этому служат и выдумывание наукообразной терминологии, и организованный поход против реалистического искусства. Еще в «Теории литературы» Уэллека и Уоррена, появившейся в 1956 г., реализм определяется, как нечто условное, подчиненное приемам повествования. В «Словаре русской литературы» В. Гаркинса, увидевшем свет тогда

же, вершиной художественного развития русской литературы XX века объявляется не реалистическое искусство, а предреволюционные декадентские течения — символизм, футуризм, акмеизм, имажинизм и др. Когда речь заходит о реалистической основе метода советской литературы, то его «испытатели» не жалеют мрачных красок для характеристики реализма вообще как устаревшего и исчерпавшего все свои возможности еще в прошлом веке.

Эстетику социалистического реализма они рассматривают исключительно сквозь призму современной буржуазной эстетики, где реализму в лучшем случае отводится весьма скромное место. Поэтому, кроме всего прочего, в реализме, в его безнадежной «старомодности» видят они неполноценность и уязвимость эстетической основы творческого метода советской литературы.

Известно, что по некоторым проблемам социалистического реализма у нас до сих пор не прекращаются научные споры и дискуссии¹. Но это необходимая, плодотворная полемика, помогающая уточнять понятия, углублять наши представления о новом творческом методе, об этапах его исторического развития, полемика, обогащающая науку о литературе. Наши же идейные противники стремятся во что бы то ни стало «изничтожить» творческий метод, рожденный закономерностями развития самой литературы, метод, на основе которого вот уже более полувека живет и борется новая литература, открывшая новую эпоху в истории мировой литературы.

Эстетической основой, сердцевинной каждого художественного метода является **концепция мира и человека**, принципы изображения действительности и людей в искусстве. Концепция мира и человека всегда определяет характер творческого метода, в равной мере как метод накладывает свой отпечаток на решение всех проблем, связанных с человеком в литературе и искусстве. «С новой концепцией человека,— пишет А. Овчаренко,— в искусство входит целый мир новых конфликтов, тем, сюжетов, образов, меняется сама природа художественного характера, меняются взаимоотношения характеров и обстоятельств, меняется общий тон искусства...».

¹ Достаточно вспомнить полемику, развернувшуюся в последние годы по вопросам соотношения социалистического реализма и социалистического искусства, критического и социалистического реализма, социалистического реализма и романтизма и т. п. в работах А. Бушмина, А. Дымшица, В. Иванова, Е. Книпович, Г. Ломидзе, Д. Маркова, А. Метченко, В. Новикова, Л. Новиченко, А. Овчаренко, В. Озерова, М. Пархоменко, С. Петрова, Б. Сучкова, Л. Тимофеева, М. Храпченко, Н. Шамоты, В. Щербины и др.

И сколько бы ни стремились зарубежные советологи и «теоретики» искусства «изгнать» человека, «вывести» его за пределы литературы, пока существуют литература и искусство, человек будет занимать в них центральное, определяющее место. Другое дело, что в разных по своему идейно-эстетическому характеру литературах трактуется он по-разному и по-разному изображается.

В искусстве социалистического реализма в центре внимания Человек как совокупность общественных отношений, Человек, активно участвующий в историческом процессе и изменяющийся вместе с изменяемой им исторической действительностью. Вот почему оно самое действенное, самое гуманное искусство в мире.

В современном буржуазном литературоведении на первый план выдвигается «минус-человек», человек пассивный, бездействующий, вечно страдающий от одиночества в страшном, хаотическом и неспособном к изменению мире, а гуманизм трактуется в нем как нечто абстрактное, полностью оторванное от жизни, истории, идеологии.

Если же говорить о реакционной советологии, то она весь свой порох тратит не столько на обоснование своей собственной «концепции» мира и человека, сколько на борьбу с концепцией мира и человека, утвердившейся в литературе социалистического реализма.

Концепция человека в искусстве, естественно, связана с **проблемой героя**, которая является центральной эстетической проблемой. В советской литературе на протяжении полувека сложился определенный тип героя, в котором, как в зеркале, отражаются и важнейшие исторические события, и крутые переломы в судьбах страны и народа, и сложность времени. Здесь могут быть названы образы Чапаева и Левинсона, Корчагина и молодогвардейцев, Давыдова, Вихрова и Соколова, и многих других излюбленных героев нашей литературы. Все это отнюдь не «идеальные» герои. Каждый из них прошел свой жизненный путь, отмеченный трудностями и противоречиями, каждый совершил то, что делали и делают миллионы советских людей — строителей новой жизни. Но в каждом из них концентрируется самое лучшее, типическое, что отличает героев, рожденных революционной эпохой.

В реакционной советологии давно уже установлен некий «стандарт» в оценке положительного героя советской литературы как «железобетонной конструкции», созданной по «партийным директивам». Не давая себе труда поглубже разобратся в жизненной правдивости, в эстетической и художественной полноценности героев, появившихся на страницах лучших произведений советской литературы, наши идейные противники с удивительной последовательностью и упорством до сих пор повторяют многие легенды, изобретенные

еще в 50-х годах Г. Струве, Э. Симмонсом, М. Слонимом, Р. Мэтьюсоном и другими «ветеранами» американской советологии.

Правда, в отличие от «теоретиков» 50-х годов, не видевших «просвета» в советской литературе, «теоретики» последнего десятилетия заметили в нашей литературе два направления: «официальное» и «диссонирующее». В соответствии с этим они делят на разные группы и подгруппы советских писателей и всю советскую литературу в целом, акцентируют внимание на разных аспектах решения проблемы положительного героя в современной советской литературе.

Если Р. Мэтьюсон-младший в своей книге «Положительный герой в русской литературе» (Нью-Йорк, 1958) устанавливает «генеалогическую» связь героя советской литературы со «схематичным», «надуманным» и «расчеловеченным» героем русской литературы XIX века, то Э. Браун в книге «Русская литература со времен революции» (Нью-Йорк, 1963) обвиняет советскую литературу в «официальщине», в «догматизме» и т. п. Радужные перспективы видит он в возникновении «диссонирующей» литературы в СССР. Героев типа Клычкова, Кожуха, Пеклеванова, отразивших в себе весь драматизм революционной борьбы, Браун низводит до «примитивных поделок», якобы навязанных писателям пропагандой и «догматической нормативностью» социалистического реализма.

В 50-е годы зарубежные советологи были еще озабочены тем, чтобы «высмеять», «опровергнуть» героический характер советской литературы. Например, Р. Мэтьюсон-младший в своей книге всячески изощрялся и язвил по поводу того, что в СССР, якобы, разрешена только одна форма трагического — оптимистическая трагедия, которая, мол, не дает истинной картины «душевных мук», «сомнений» и т. п. Современную зарубежную советологию уже не устраивают подобные взгляды. На первый план выдвигаются, как спасительные, «теории» дегероизации, «приземленности» советской литературы.

Таким образом, активная проповедь дегероизации, «развенчивание» подлинного героя советской литературы и противопоставление ему «антигероя» — вот то «новое» слово, которое найдено реакционными советологами наших дней в «решении» проблемы героя советской литературы. Однако художественная практика современной советской литературы, создающей героев деятельных, духовно растущих, преодолевающих противоречия и сложности на пути к гармонии и цельности, опрокидывает «теории» дегероизации, антигероя и другие вымыслы наших идейных противников.

На протяжении многих лет в советологии США и ФРГ складывались довольно устойчивые «традиции» в изучении

истории советской литературы. Не считаясь с реальными фактами, с действительными процессами в ее развитии, наши враги произвольно толкуют и периодизацию, и отдельные этапы истории литературы, и творчество ряда советских писателей.

Трудно найти «исследование» советологов по истории советской литературы, где бы 20-е годы не противопоставлялись всему последующему развитию литературы. Это десятилетие оценивается ими как период расцвета, когда свободно соревновались разные литературные группировки.

Но «специалист» по советской литературе Энн Демэтр спешит заверить своих читателей, «что свобода была только в области формы. Другими словами, такому поэту, как Маяковский, было разрешено искать новые пути для выражения своих чувств и эмоций, но ему не разрешали публиковать что-либо, что могло поколебать коммунистическое дело».

О Маяковском Энн Демэтр пишет явные небылицы. В этом нетрудно убедиться, если вспомнить широко известные слова поэта: «Я от партии не отделию себя и считаю себя обязанным выполнять все постановления большевистской партии, хотя не ношу партийного билета... Здесь было упомянуто о социальном заказе. То, что мне велят, это правильно. Но я хочу так, чтобы мне веляли». Как же это согласуется с утверждениями Энн Демэтр?

Зарубежным «специалистам» по советской литературе глубоко чужды и 20-е годы, отмеченные не только обилием литературных группировок, борющихся друг с другом, но и неуклонным движением советской литературы к идейно-эстетическому единству. Прославление этого периода нужно зарубежным советологам прежде всего для полного отрицания плодотворного развития советской литературы в 30-е, 40-е и 50-е годы, когда утвердился социалистический реализм. Они считают, что литература 20-х годов обрела силу и значимость не потому, что она правдиво отражала новую революционную действительность, а потому, что была связана с «русским литературным авангардом», являвшимся частью западного модернизма. Этим объясняется и суровая критика ими «литературы пролетариев» (выражение Э. Брауна), и расточение дифирамбов по адресу русских футуристов, кубистов, имажинистов и других формалистических течений, подражавших западным модернистам.

Всячески идеализируя литературные группировки 20-х годов, возникновение которых, как известно, было вполне закономерным в условиях классовой борьбы и поисков новых путей в искусстве, наши идейные противники тем не менее относятся к разным группировкам по-разному. Свои горячие симпатии они отдают прежде всего тем, которые, по их мнению, были далеки от революционной действительности.

Таким образом, в подходе и к историко-литературным явлениям, и к творчеству отдельных советских писателей, зарубежная советология пытается извлечь политический бизнес, служащий интересам ее хозяев.

Активно участвуя в современной идеологической борьбе, советская литература, естественно, имеет друзей и врагов, тех, кто воодушевляется ее идеями и образами, и тех, кто «хватается за оружие» лжи и клеветы, чтобы ослабить, нейтрализовать ее влияние на сознание миллионов людей. Но «дети ночи», при всей своей изворотливости, бессильны остановить бег истории. Советская литература неуклонно и последовательно завоевывает сердца всех честных людей на земле.

Огромный интерес к советской многонациональной литературе мне довелось наблюдать во время встреч с нашими зарубежными друзьями в ГДР, в Болгарии. Выступая перед художественной интеллигенцией и студентами, перед партийным активом в Берлине и Лейпциге, в Софии и Старой Загоре, я видел, как зажигались глаза и сердца людей, когда речь шла о произведениях советской литературы, в которых поднимаются острые и волнующие социально-психологические и нравственные проблемы. В их реакции была не только глубокая заинтересованность, но и высокая требовательность к самой влиятельной литературе в мире. Мне помнится, как горячо и страстно говорили на шолэховском симпозиуме в Лейпциге ученые — представители ГДР и ФРГ об актуальности «Тихого Дона» для судеб современной Германии, для каждого западного немца, стоящего перед необходимостью выбора пути, своего места в борьбе.

В своеобразный дружеский митинг вылилась и живая, непринужденная беседа о современной советской литературе в южноболгарском городке Крджали со студентами местного Педагогического института. В Крджали, расположенном близ болгаро-турецкой границы, более половины населения составляют турки. Многие из них, являясь гражданами новой Болгарии, сохраняют еще в быту и в сознании устаревшие обычаи и нравы. И когда во время беседы со студентами я подробно говорил о творчестве Чингиза Айтматова, о его чудесной повести «Джамиля», с места вскочила смуглая турчанка и торопливо, очень волнуясь, сказала, что творчество Айтматова и в особенности его свободолюбивая, непокорная Джамиля помогают вести борьбу с предрассудками, с отсталостью женщин-турчанок да и вообще всех женщин Востока, испытывающих до сих пор гнет законов адата.

Вот так, столкнувшись с живыми читателями и почитателями советской многонациональной литературы за рубежом нашей Родины, по-особому чувствуешь, осознаешь великое международное значение советской культуры.

9 коп.

Индекс 70069